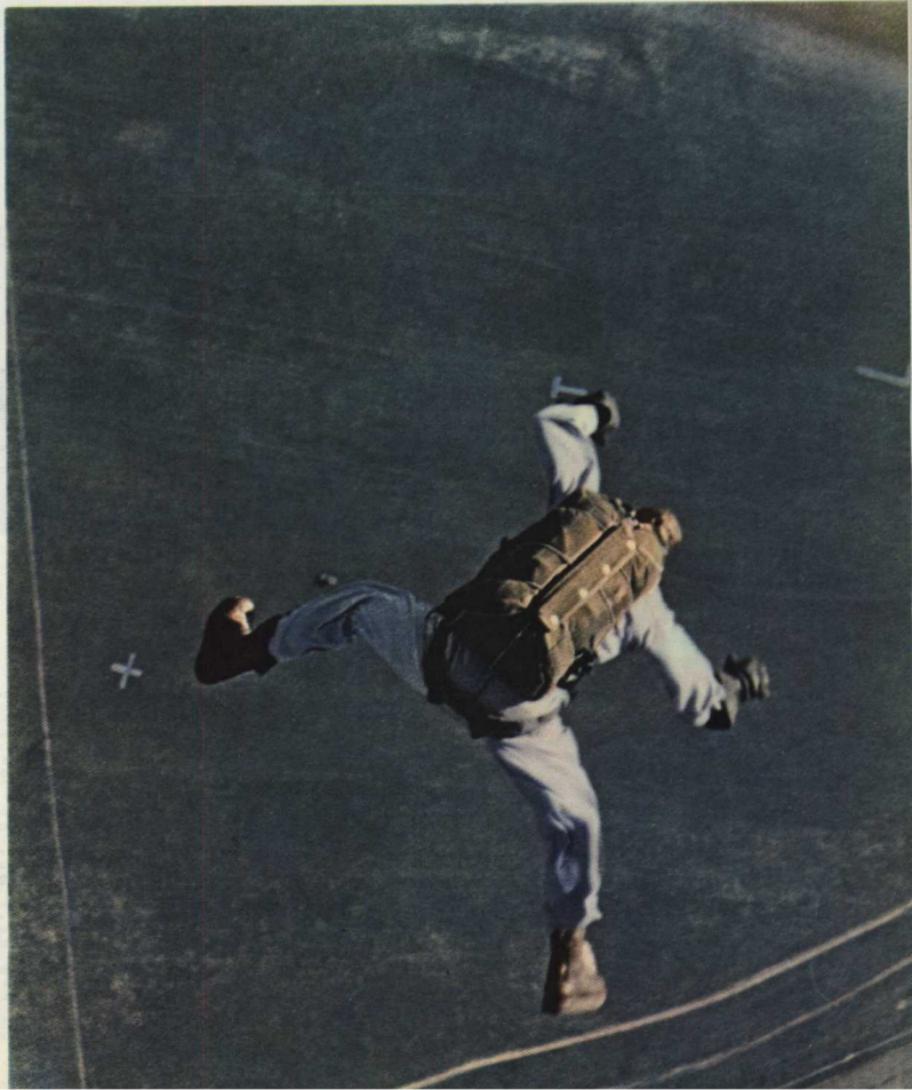

Syrobby

СМЕХА

16 1960

Летчик-испытатель 1-го класса
инженер-подполковник Борис Адрианов.

Стартует реактивный истребитель.

Серо-голубая полоса «бетонник» перечеркивает зеленое поле аэродрома и упирается в горизонт. Готовый к прыжку, присел на своих широко расставленных лапах истребитель. Летчик плавно прибалтает обороты двигателя. Самолет срывается в дымке летнего дня. Теперь только с помощью специальных оптических и радиолокационных приборов можно проследить за его молниеносным полетом.

Проходит всего несколько минут, и самолет снова на земле. Летчик Борис Адрианов приглаживает слепнущиеся под герметичным шлемом белокурые волосы и отвечает на сердечные поздравления.

Средняя скорость, достигнутая им в полете на стомилометровом замкнутом маршруте, равна 2 090 километрам в час. Это на много выше мирового рекорда, установленного американским бригадным генералом Генри Х. Муром.

Не только американские рекорды, но и зарвавшихся американских агрессоров мастерицы бьют советские сононы. Это блесстие доказал 1 июня капитан Василий Поляков, заставивший нырнуть в Баренцево море бомбардировщик-разведчик «РБ-47», который нарушил нашу границу.

Могучую современную технику вручил советский народ своим воинам. И они каждую секунду готовы достойно ответить на любую провокацию воинствующих империалистов.

Фото Г. Макарова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

август
1960

В этом номере:

Специальный выпуск журнала «СМЕНА ОЛИМПИЙСКАЯ»

С неизвестной
ранее главой из
«Американской
трагедии»
Теодора Драйзера
вы сможете
познакомиться

на стр. 28.

«АДАМ
СРЕДИ
НАС»

— ТАК НАЗЫВАЕТСЯ ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ ВАЛЕРИИ ГОРДЕЕВОЙ, КОТОРАЯ ПУБЛИКУЕТСЯ

на стр. 6.

ДВЕ НОВЕЛЛЫ Ю. СБИТНЕВА

**«СТЕПАН»
И
«РЯБИНУШКА»**

читайте на стр. 26

Фельетон «ПРОФЕССОР ВСЕХ ВЫСШИХ НАУК И МАТЕРИЙ»

читайте на стр. 30

-біннегінде зерттеді. Академик мемлекеттің міншілік жағынан да оның таланттық жағдайда жүргізілген көмекшілікке көшірілді. Оның таланттық жағдайда жүргізілген көмекшілікке көшірілді.

ал

МЫ УЧИМСЯ ЖИТЬ

Высокий смуглый парень с густой копной иссиня-черных волос сидит передо мною и недоуменно пожимает плечами:

— Ну, право, не знаю, о чём рассказывать. Ведь мы только недавно начали бороться за звание цеха коммунистического труда. Так что ничего особенного, примечательного мы еще не успели совершить...

Мне даже не верится: неужели это тот самый Виктор Тарасов, который час назад так живо и образно рассказывал о жизни своих организаций комсомольским активистам с других предприятий Ангарска, щедро, от души делится «секретами» своей работы? И я видел, что его рассказ был далеко не беззаряженным присутствовавшим: блокноты и телефончики на быстро заполнялись записями. Значит, в том, что сам Виктор сейчас называет рядовым, будничным, даже не заслуживающим внимания, все-таки есть крупицы нового отношения к труду и жизни, которые характерны для замечательного поколения пионеров будущего.

— Может быть, это и так,— после некоторого раздумья соглашается со мной Виктор.— Тогда расскажу несколько случаев из нашей жизни, а вы уж сами решайте, будут ли они интересны для читателей «Смены»...

*Авторитет
затворы
в бого*

а теперь изволь еще выяснять, кто кого невзлюбил да за что. Уж лучше бы комсомольцы занимались своими делами: взносы собирали, с культиваторами ходили...

— Вот-вот, разберитесь.— И начальник цеха снова углубляется в

— Нет, мы не можем согласиться с увольнением Константина.

Начальник механосборочного цеха Ангарского ремонтно-механического завода удивленно смотрит на Виктора Тарасова.

— Интересно, почему же?
— Мы уверены, что мастер сводит с ним какие-то личные счеты и вот теперь придрался к слу-

Начальник цеха достает докладную записку мастера участка и еще раз читает ее: «Константинов систематически допускает брак, грубит, не подчиняется моим распоряжениям, спит в ночной смене...» Кажется, все ясно. И чего это комсорг так раскипятился? Только и времени разбрасываться с чинами, тут-то я, памятуя о защищавшемся

нием».

Администрация цеха решила обсудить «дело Константинова» на общем собрании рабочих. И вот тут-то комсомольцы окончательно доказали свою правоту. Нет, они не пытались обидеть Конст-

тинова, они сурово указали ему на многие его недостатки, но в то же время, как говорится, с фактами в руках показали, как мастер несправедливо относился к Олегу, часто в мелочах стараясь узвинить молодого рабочего, вынужденного грешать, вынужденный на отвратительные поступки, о которых немедленно сообщал начальству.

В результате обсуждения Олег Константинов был оставлен в цехе, а мастеру было сделано очень серьезное предупреждение. Вскоре ему пришлось вообще уйти из цеха...

С того собрания, — вспоминает теперь Виктор Тарасов, — авторитет комсомола в нашем цехе заметно возрос. Начальник цеха

Собрать несколько боевых комсомольцев и называть их цеховым штабом борьбы за технический прогресс — это не новая идея. А вот подсказать им направление работы, помочь найти дело, от которого ребята сразу бы почувствовали ощущенный результат своего труда, гораздо сложнее. Конечно, очень ценен и нужен и контроль за экономией электроэнергии и своевременное устранение тем чистки масла у станков, но все это членам штаба казалось мелочами. Кое-кто уже начал разочаровываться в таком поручении, как будто однажды...

Все началось с того, что токари получили от кузнецочно-прессового цеха заготовки для маховиков клапанов высокого давления. Попробовали обработать их согласно чертежам и... выплюнули стакни.

Разве так можно работать? — горячились юные техники, показывая начальнику штаба Володе Тетюкову заплодные заготовки... Всегда они стояли пятьдесят граммов, а мы половины метателя в стружку гоним. И станки загружаем, и зарплату напрасно переводим, и дело едва-едва диняется.

Штаб выпустил «Сигнал» с претензией кузнеценно-прессового цеху и отправил делегатов в соседям. Через некоторое время делегаты вернулись. Вид у них был довольно унылый.

Начальник кузнецочно-прессового завода, что все сделано по штампам, которые поступили из инструментального.

— Тогда пойдем к инструментальщикам.

Написали новый «Сигнал», снова снарядили делегатов и опять же вернулись ни с чем. Штампы полностью соответствовали чертежам конструкторского бюро. Побывали и там, и конструкторы — народ обычных.

— Ваше дело — выполнять, а конструировать нам предоставьте.

Что же оставалось делать? Нужно было бесстыдно перегонять металлы в стружку только потому, что конструкторы не признались в своей ошибке?

— Эх, была не бала, пойдем к

распорядился обо всех провинностях комсомольцев сообщить в бюро: «Кто биро решит, так и будет». И что самое удивительное, резко скратилось количество выговоров и разных других взысканий. Потому, спрашивается? Очень просто. Ребята были уверены, что-нибудь мастером, — даже ладони начальнику цеха, и, глядя, готов приказ. А теперь совсем иное. Стоит только комсомольцу узнать, что о его проступке сообщено к нам в бюро, как немедленно бежит извиняться. И часто мастер, который обращался в бюро за помощью, потом подходит и говорит: «Ты тут сообщил о таком-то, так вы его же разберите, мы с ним сами договорились».

Миллион на сберкнижке

главному инженеру! — решили члены штаба.

Сурен Ишханович Гогянян сразу оценил предложение комсомольцев и распорядился немедленно переделать чертежи штампов, так как предлагали ребята.

На этот раз в цех они вернулись довольные, гордые. Да и в городе, среди комсомольцам удалось заработать около 20 тысяч рублей, сберег немало драгоценного металла.

Как говорится, лиха беда — начало. Окрыленные успехом, члены штаба технического прогресса вместе с Виктором Тарасовым появлялись в кабинете начальника цеха Ю. Н. Миценгендера.

— Нам кажется, Юрий Натанович, что между пролетарями цеха можно построить узкоколейку. Тогда рабочим не придется вручную таскать тяжелые детали.

— Дело очень нужное, — согласился начальник цеха. — Только денег у нас сейчас нет, а транспортники за постройку восьмидесяти тысяч рублей просят...

— Денег не надо, — заявили ребята. Были, как материали, Октябрьским барами.

Юрий Натанович с сомнением поклонил головой, но распорядился материалы выделить. И вот а позавчера вечером первая группа добровольцев осталась в цехе и приступила к работе. Ее сменила вторая группа, затем третья...

И субботу и воскресенье трудились ребята. Их никто не заставлял трястись на страже свое свободное время, они знали, что никаких денег за это не получат, однако работали все с небывалым упорством и энергией.

В понедельник утром узкоколейка была готова. Чуть ли не все заводское начальство побывало в цехе. Организаторов и строителей поздравляли, им жали руки, называли героями. Но самой большой благодарностью для ребят было слово пожелания рабочего, который, погрузив ящики с деталями на тележку узкоколейки, тихо произнес:

— Спасибо вам, ребятушки, большое спасибо!

О большинстве делах цехового штаба борьбы за технический прогресс можно рассказать очень много. Тут и предложение рабочим, кто-нибудь, погрузив ящики с деталями на тележку узкоколейки, тихо произнес:

— Спасибо вам, ребятушки,

«Азовстали», тут и организация стендов-выставки «Как мы не замечали потерь государственных рублей», на котором представлены найденные детали, найденные комсомольцами в отходах, и рядом простирается стоимость этих деталей. Обо всем этом рассказывать в немалом объеме трудно. Приведу лишь две цифры: в прошлом

году в результате работы штаба цеховой комсомольской копилки или, как ее здесь называют, «комсомольская сберкнижка», пополнилась 950 тысячами рублей; в этом году молодые рабочие машиностроительного цеха борются за миллион. Уже сейчас можно с уверенностью сказать: этот рубль будет намного превзойден.

Геннадий становится на ноги

надий Неизвестный, которого с огромным трудом все-таки удалось затащить на этот воскресинский неожиданно наступивший на нее.

Ребята обступили Геннадия, горячо поздравляли его, раза два даже кинули на радостях, а по цеховому радиоулу (постройному, кстати сказать, руками комсомольцев) передали внеочередную «монюмину» о нахождении Неизвестного.

В душевой, куда Геннадий забежал умыться, ему как будто неизначально повстречалась Тарасов.

— Молодец, Гена! Большое ты дело сделал! Спасибо!

— Да чего там... — смущился Геннадий.

Но скромничай. Ведь в большинстве дел ты один из виновных. Представляешь, что это для чего значит — Виктор помогал тебе не много, а потом спросил: «Что ссыпал, ты стряпал либошиби?»

— Люблю, а что? — Неизвестный недоумение посмотрел на комсорга.

— Да цеховой тир хотим организовать...

— Вот здорово!

— Я и подумал, — продолжил Виктор, — может, ты взялся бы за это дело?

— Я! — Геннадий вдруг как-то сник. — Так же мне виновки доверят! Группой и так на меня волком смотрят...

— Бюро доверит. Разве такому героям можно не доверять? Вот тебе записка в завком, получишь два винтовки... под свою ответственность.

Геннадий несколько мгновений внимательно глядел на Виктора, потом схватил пиджак и, забыв даже вытереть лицо, бросился из душевой.

А что же дальше?

— Дальше? — улыбнулся Виктор. — Вот сейчас обеденный перерыв начался, пойдемте посмотрим...

Мы вышли из цеха на залитый солнцем двор. За свежей зеленью молодых деревьев раздавались кудахтания сучьевчатки выстрелов, и чай-то голос настойчиво повторял:

— Да не торопись ты, не торопись... И спускай кронюк разрезо-

не дрейгай!

— Слышишь? Это Геннадий командует...

Мы подошли ближе. Невысокий, худощавый паренек, замятые насекомыми руки:

— Витя, а я тебя сегодня искал-искал. Дело в том, что есть Тамара Чадов. Знаешь ли ты? С которой мы поговорили... ДОСЛАДЫЕ... Стартобалы! Они в комсомоле решили вступить. Я ее уже по Уставу спрашивал — ничего, знаешь. Как думаешь, имею я право дать ей рекомендацию?

— Можешь, Гена, конечно, можешь...

Первая их встреча была далеко не из приятных.

— Что же это ты, Геннадий, с работы на работу, как воробей, перескакиваешь? — спросил Виктор.

— Ишу, где денег больше платят, — нагловато улыбаясь, ответил парень.

— А у нас долго думашь про-быть?

— Понимаю — увидим.

— Комсомолисты?

— Да здрасье...

— Канин же делами ты комсомолу поможешь? Порукияния каких-нибудь выполнял?

Старался себя не утруждать.

Зарплаты-то от этого не увеличиваются...

А вскоре группомся участка, куда направили Геннадия Неизвестного, разгневанно заявил Виктор:

— Уберите от нас этого шалопая! Говорю ему, на воскресний пойдем, смеется: «Работа дураков любит!» Ванюша, спрашиваю, когда платить будешь, снова зубы складывает: «Если эти какого богаты, возвьсяли с сам уплатил. Я и так себя сдерживаю, но боясь, доведут меня до греха...

— Скажи, какой «грешник» выискался? Уберите, дяденька! — в сердце поднялся Виктор.

Быстро же я забыл об обстоятельствах, которые сам подписывал, когда за цех коммунистического скруга начали бороться. Вместо того, чтобы хныкать, давай думай, как нам Геннадия на ногиставить...

В то время все молодые рабочие машиностроительного цеха были заняты поисками «кладов». «Кладом» этим была большая болванка высокосортной стали, которую когда-то по неосторожности уронили в яму и впоследствии засыпали землей. История эту ребята услышали от одного старого рабочего и решили во что бы то ни стало разыскать болванку: в цехе в то время не хватало металла, и производственный план был под угрозой срыва. Рабочий смог только приблизительно указать место, где могла быть покоронена болванка.

Комсомольцы организовали несколько смешных бригад, «грабоблателей», как называли их заводские остряки, перерыли значительную площадь, но ничего не нашли. И уж совсем собрались прекратить поиски, как вдруг Ген-

Виктор СОСНОРА

(ПРУЖКИ)

Воздух
пропитан хлором и серой,
Дамы
желтее лотосков едких.
Стружики —
стальное синее сено —
мы нагружали на вагонетки
сружки —

Мы нагружали на вагонетки
и увозили на перепланку

стальное синее сено,
груз для грядущих строек и
планов.

Мы
вытирали потные струйки,
резали руки мы,
сапанели.
Мы созывали:
это не стружики,
а очертания дамб и топией.

Все больше для кранов
программ и заданий:
все новые грани
достроенных зданий,
все новые храмы
искусства и науки.

Так трудятся краны —
подъемные руки.

Все делают краны:
ракеты и руки,
и тянут в пространство
железные руки.

ПОДЪЕМНЫЕ КРАНЫ

От края до края
скрывают, не старая,
подъемные краны —
подъемные стрелы.

Шебенку и гравий
вздымают на стройки
подъемные краны —
подъемные стропы.

Пусть грозы нагрянут,
хрикнут во все бронхи,
но трудятся краны —
подъемные блоки.

ОДНЕ РОЖДЕНИЯ, ЧУТКОСТИ И СВЕРХ- ПЛАНОВОЙ ПРОДУКЦИИ

Аня вернулась домой усталая.
Хотелось хотя бы немного спокойно посидеть и, закрыв глаза, несколько минут ни о чем не думать. Но уже из порога она услышала недовольное ворчание мужа:

— Оля ты где-то пропадаешь!
Всикаки воскресни для тебя дарожке здоровья собственного супруга. Есть же такие счастливые люди, у которых жены внимательные, заботливые, чуткие...

У Ани на глаза навернулись слезы. Но, ничего не сказав, она быстро прошла в кухню и стала готовить ужин. Аня одна, однажды другой легла в гостиную:

— «А как же я не стыдно: забралась я на диван и от чуткости просыпайтесь! Хоть бы посуду в мое отсутствие помыли! Внимательности требует, а сам забыл, что у меня сегодня день рождения... И когда только он успел стать таким?!

В дверь постучали.

— Эй, не слышишь, стучать —
крикнули из комнаты муж.

Торопливо вытерев лицо, Аня открыла дверь. В квартиру торжественно вошли двое парней из ее цеха в праздничных костюмах и внесли какой-то громоздкий сверток.

— Дорогая Аничка! Нас к тебе ребята послали делегатами. От их имени и от себя мы говорим, поздравляем тебя с днем рождения! Хотим пожелать и дальше быть такой же чуткой и заботливой, какая мы знаем тебя сейчас.

А это наш подарок тебе от всего цеха.

Они развернули сверток, и Аня всплеснула руками:

— Да откуда же вы узнали, до-
рогие мои! Я давно мечтала о таких часах!

Секрет изобретателя! —
смеялись ребята.— Покажи, куда
лучше повесить?

Аний муж как-то боком сплюз с дивана, поспешно оделся и выскочил на улицу, шлепнув ей:

— Задергуй рабят, не отпускай!

Он вернулся захвачившийся, на-
груженный покупками. На столе вскоре появилось вино, закуски, и как ни отмечались ребята, им все-таки пришлось выпить за «новорожденного». Когда же супруги остались одни, муж подошел к раскрасневшейся, счастливой Ане и робко попросил:

— Аньотя, если можешь, прости
меня, я чайку чурбан неотес-
анный...

— Ну, а теперь как они живут? — понтересовалась я.

— Лучше не надо. Ана не на-
халятся своим мужем. Видно, эта
история его многому научила, —
ответил Виктор Тарасов. — Науки-
ла она и нас кое-чему...

Спартак КУЛИКОВ

ПОДДЕЛЬ

Подденьша.
Курю на пороге
в летний, чутя розовый зной.
Ветер идет по дороге
с пыльным мешком за спиной.

Юноша шагает за город
в звоне огромных шагов.
Синий расстепнутый ворот
выпил цветами лугов.

Не по душе мне контора
в вольные эти годы!
Жажду
стенного простора,
с петром уйду навсегда!

Нужно — скучем полудим,
далим и эху родны.
Только для этого
люди
сильные руки дады!

Кирилл ШВАРЦ

АВГУСТ

Облака, нежнее паутинки,
Ходят над скворечниками дворов.
Сохнут первевернутые кривки.
Грабли отдыхают у ворот.

На семе затинши...

Аугуст иссы...

На семе затинши...

Подденьша душин.

И в обнимку с краснощекой
грушей,
Шелести листвою,
меет ясень.
Никнет жито колосом тихеем.
Солнце раскалило дебела.
И весь день в медовом хлебе
Хвалил урожай перенела.

Спросите у экономистов: влияет ли день рождения человека на его производственные достижения? Многие на вас посмотрят с удивлением: что за чепуха мелет чоловек! Но в Ангарске я убедился: влияет и даже очень здорово.

Я заметил неподалеку еще один щит, с надписью «Человек — самое дорогое», и спросил Виктора о его назначении. Он подвел меня ближе и указал на небольшой листок бумаги, укрепленный на щите:

— Здесь мы сообщаем, кто из нашего цеха болен. Тут же адрес. И поверите ли, больные теперь жалуются: совсем замучили посетители. Жалуются-то, конечно, в шутку...

* * *

В дни, когда я находился в Ангарске, туда долетела весть о награждении комсорга механизированного цеха Виктора Тарасова медалью «За трудовую доблесть». Я видел, с какой искренней теплотой и сердечностью друзья и знакомые поздравляли Виктора с высокой наградой, как от души радовались за него. Для многих из них он не только товарищ, но и только секретарь комсомольского бюро цеха. Он стал для них близким человеком, к которому можно прийти с радостью и с горем, у которого можно найти поддержку, получить нужный совет и дружескую помощь.

Я не ошибусь, если скажу, что во всех больших и малых делах, которыми славится сейчас комсомольско-молодежный цех Ангарского ремонтно-механического завода, немалая заслуга принадлежит именно ему, Виктору Тарасову, человеку с большой, отзывчивой душой и настоющим щедрым сердцем.

С. ЕГОРОВ

Ремонтно-механический завод,
г. Ангарск.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИДЕЙ

(ЗАМЕТКИ С МЕЖДУНАРОДНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ КУРСОВ)

Конст. ВИШНЕВЕЦКИЙ

Их было сто восемь. Они приехали из 43 стран мира и провели двенадцать дней на берегу Черного моря, обсуждая самые серьезные проблемы современности и непосредственные студенческие дела и заботы. Были глубокие дискуссии, острые споры, задушевные беседы, песни, экскурсии, спортивные соревнования, все это на фоне Международных летних студенческих курсов.

Они были разных учреждений молодой коммунист, студент из Африки Андреас и владелец шестидесяти коров, британец «длинный Томми», африканец Пауль Муджамбула Секази и сын английского чиновника колониальной администрации Энгус Миллс. Здесь встретились алжирец и француз, японец и американка, немцы из ФРГ и ГДР, студент из Израиля и арабские студенты, кореец и парень из США, проходивший военную службу в Корее...

Да многое разделяло их, они были очень разными, но сильнее всех различий и разногласий было их единое стремление к лучшим знаниям, единство общего будущем и будущем всего человечества, единство понимание ужасов военной катастрофы.

«ОКСФОРДСКАЯ ПАРОЧКА»

Высокий худощавый англичанин приветливо улыбнулся и сказал мне:

— Меня зовут Энгус Миллс, а моего товарища — Питер Скинер. Мы оба учимся в Оксфордском университете.

Разговор шел в автобусе, мчавшемся из Симферополя в Гурзуф. Я внимательно посмотрел на моих новых знакомых: они из Оксфорда, этого древнейшего университета Европы! Вспомнилось многое из того, что читал об этой школе аристократов Англии, о юнонах, с детства привыкших пренебрежительноносить парадные костюмы, держаться прямо и обособленно от «массы». Глубокие знания, большая культура, старые традиции и классовая ограниченность...

— Вы впервые в Советском Союзе? — спросил я.

— Да. Поэтому многое нам кажется необычным, — ответил Миллс.

— И в первую очередь отсутствие надоедливых реклам, — добавил Питер Скинер.

— А чем тебе не нравится наша реклама? — полез в бой Энгус.

Разумеется, спросил я.

По тому, как они спорили, видно было, что их интересует не история, а сам спор, свидетельствование красноречия и логики.

Как потом я узнал, Энгус, учась на так называемом «политическом» факультете, специально научает «технику спора, использования аргументов, победы в дискуссии даже в том случае, когда он неправ».

Энгус Миллс пытался и в Гурзуфе блеснуть своей оксфордской подготовкой. На семинаре «Студенты и национальная независимость» он решил выступить с защитой концепции. За несколько минут до своего выступления Миллс сказал мне:

— Ну, погодите, что и действительно является колониализмом? Это я хочу просто попытаться поспорить...

Но оказалось, что Международные курсы — не классная комната в Оксфорде: студенты из Африки, Азии и Латинской Америки, не знающие тонастей «техники спора», обвиняли колониализм так неко и убедительно, что только может обвинять сама история, сама жизнь.

«Оксфордская парочка» была вынуждена признаться себя побежденной.

Надо сказать, что оба англичанина — и Питер и Энгус — когда сбрасывают с себя свой «оксфордизм», оказываются хорошими и прятными ребятами. Во всяком случае, две новые жизни у нас, в Советском Союзе, в совершенно новых обществах, оказались на редкость большое влияние.

Я в жизни такого еще не испытывал! — признался Питер Скинер.

А Энгус в день отъезда на родину поведал мне свой тайный замысел.

— Я хочу за этот год, — говорил он с горящими глазами, — организовать у нас в университете комитет для подготовки желающих поехать следующим летом работать к нам на целину. Захочут многие, я уверен! Как ты думаешь, это реальное дело?

У нас на целине уже работали многие бригады молодежи из стран народной демократии. Почему бы и «дженетльменам из Окс-

форда» не попробовать? Ведь целина — появление широкое. И ее надо поднимать всюду: и в Казахстане и в Оксфорде.

Фото автора и Н. Рябина.

ГАРМ ИЗ МЮНХЕНА ПОКИДАЕТ ЗАЛ

Это произошло на семинаре по разоружению. Одни за других выступали представители мирового студенчества с решительными требованиями привести руку под советским предложением. Говорили и обвиняли со стороны милитаристов всех мастей и характеров. Естественно, больные вызывали тревогу действия западногерманских революционистов. И вот, когда студент из Греции перечислял факты возрождения фашистских традиций в ФРГ, студент из Мюнхена Гарм из Розенштадта демонстративно покинул зал.

Он сделал это не от стыда за преступные дела своего правительства. Нет! Гарм из Мюнхена был возмущен...

Участники курсов тоже возмущались поведением Роземана, но решили проявить терпение и на следующий день пригласили его выступить вне очереди с объяснениями.

Гари постарался сделать все, даже невозможное, чтобы представить западногерманских милитаристов в овечьей шкуре. «Никаких фашистов! У нас никаких реваншистических настроений! — патетически воскликнул он и добавил несколько раз: — Это я говорю вам не только как частное лицо, но как председатель Всеобщего студенческого совета Мюнхена!»

...Вы из Мюнхена? — обратился к Роземану выступивший следом из ГДР Бильлинг. — Вы знаете, что это такое? — И Бильлинг развернул над головой газету, — Фашистская газета «Дайтце Золдатен Цайтунг», орган реваншистской организации «Стальной щит». Здесь каждая строка пропитана тем смрадным духом фашизма, существование которого в ФРГ они отрицают. А вы знаете, где я купил эту грандиозную газету? — Бильлинг посмотрел на Гарма. Затем ждал.

— В Мюнхене! — сказал Бильлинг. — В здании Мюнхенского университета!..

Представительствующий студент из Индии восхищенно поклонился. Он хотел привлечь следующего оратора, но в это время в середине зала поднялся высокий немец, один из группы представителей студентов Западной Германии.

У меня внеочередное заявление!

— Пожалуйста! — разрешил председатель.

— Я от имени студентов ФРГ, присутствующих здесь на курсах, заявляю, что мнение господина Роземана — это личное дело и ничего общего с мнением нашей делегации не имеет!

В зале раздались аплодисменты.

Вообще-то западные немцы держались обособленно. Только через несколько дней знакомства мы удачно познакомились с одним из членов коллектива симпатичным студентом из южногерманского города Тюбингена Гербертом Брекли.

Странные чувства испытывала я здесь, в Советском Союзе, — сказал Герберт тихо, закурив сигарету.

— Почему?

— У меня отец погиб в 1942 году под... Бизером. Так я произношу?

— Так.

— Мать не хотела, чтобы я ехал сюда... Герберт посмотрел, прислушиваясь, вдаль. Помолчав. Потом решительно страждунулся пеплом с сигареты.

— Вот почему я, против всяких воинственных...

— А вас не призывают еще в армию? — спросил я.

— Привыкли. Но я не пошел... Пусть в тюрьму сажают! Последние годы я был руководителем местного союза студентов. Мы дозвонились прямо до военного министра и устроили ему скандал по телефону... Потом я уехал сюда.

Герберт задумался.

— А кем он был?

— Отец-то? Кем же еще, солдатом, конечно: ведь он был рабочим до войны...

Мы сидели на берегу. Море ровно шумело, как хорошо наложенная машина. В черном ночных небе, какое бывает только на юге, искрились звезды. Казалось, что они передают какой-то таинственный алфавит фразы: «Война — не для людей! Люди — не для войны!..»

тогда задающий много вопросов и всегда ожидалший вразумительного ответа. Оба они родились и выросли на маленькой ферме в штате Нью-Джерси. Рано лишились отца. И только потому, что всегда учились очень хорошо и старательно, им посчастливилось получить одно из немногих мест в Калифорнийском университете. Вернее, только младшему, Питеру. Дэвид же только что отслужил несколько лет в армии, был в Корее, Японии.

— Теперь хочу учиться, — рассказывает он.

— А откуда вы с братом взяли деньги на поездку в СССР? — спросил я.

— О! Это целая история! Вернее, счастливый случай! Наша бабушка имела приятное состояние. Но так как она не любила своего сына — нашего отца, то завещала все свои деньги внукам (то есть нам!), когда они станут совершеннолетними. Вот мы и стали, — улыбается Дэвид.

— Да здравствует бабушка! — спокойно произнес Питер.

— Так или иначе, но мы рады, что приехали в Советский Союз, — сказал Дэвид. — Это очень важная поездка. Рассказ об этих днях я бы назвал так: «Всё жизнь и эти две недели».

— Дэвид у нас в семье — писатель! — прокомментировал младший брат. — Приходите к нам в будущем вечером на берег моря — вы кое-что увидите...

И я увидел. Увидел, как в сумерках, пристроившись среди камней пляжа, Дэвид что-то быстро отстукивал на портативной пишущей машинке. Он увидел меня, приветливо улыбнулся:

— Питер оказался прав, да?

— А что это вы пишете, если не секрет? — поинтересовалась я.

— Веду дневник. Приеду домой, буду читать друзьям. Ведь нельзя, чтобы пропало все, что узнал здесь...

В последний день американцы долго бродили по московским улицам.

БРАТЬЯ ИЗ США

Да, Питер и Дэвид Стюарды — родные братья. Но сходства в них нет ни внешнего, ни внутреннего. Питер — худой, высокий, медлительный парень с твердыми понятиями о жизни. Дэвид — коренастый, крепкий, все-

— Я бы тоже с удовольствием послушал вас.

— А хотите, я перепечатаю для вас то, что написал сейчас?

И вот поздно вечером, когда наш шумный международный дром уже засыпал, Дэвид привнес вот эти строчки:

«ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДЭВИДА АЙР СТЮАРДА

Американцы все время ищут для отдыха места, не слишком «разрушенные» популярностью, и обычно кончают тем, что едут в одни и те же края. Если подходит с этой точки зрения, этот год кажется последним тихим годом Гуарапе. Город еще тих. Может быть, это еще и потому, что Международные летние курсы проводятся здесь впервые. Но отличная дорога прокладывается сейчас через горы, она сократит почти на час путь от железной дороги до пляжа. Нет! На следующий год здесь будет бума.

Ремонт стальных работ на дороге впечатляет даже американца. Мы думаем, что только мы работаем быстро, всегда в спешке. Но я никогда не видел водителей огромных грузовиков, которые бы так носились, как русские в горах, ухирующая южное побережье Крыма. Место, где расположены Международные курсы, также глубоко впечатляет американцев.

Очень немногие из нас, приехавших с Запада, кое-как представляли себе, что такое курсы в Гуарапе. Почти никто из нас даже не был до этого в Советском Союзе. Мы знали о Черном море в Крыму только по географическим картам. Но после первых двух дней мы все (если судить по мне) уже чувствовали себя как дома. И теперь мы будем оставаться здесь, как это называется мной, и думать, когда же снова вернемся соуда.

Абсолютно излишне говорить о громадном значении курсов. Тот факт, что предоставлялась возможность жить и общаться с людьми своего возраста и интересов, приехавшими из многих стран, говорит сам за себя. Правда, организация семинаров на общие темы была нова для нас, людей с Запада. Курсы в Гуарапе — это отличное дискуссионное общество. Нам немногим трудно из-за того, что употребление старой терминологии, не соответствующей современной ситуации, мешает понять друг друга — и нас и нашим новым друзьям-коммунистам. Мне даже кажется, что многие проблемы в общении с Западом и Азией в Китае сущестуют часто из-за этого непонимания.

Мы должны делать все, что от нас зависит, чтобы ликвидировать такое непонимание. И в этом благодатном деле Международные курсы в Гуарапе сыграют свою положительную роль. Я уверен!

Дэвид прав. Понять друг друга — это было основным стремлением всех участников курсов. Многое было достигнуто, многое еще остается сделать в будущем. Гуарапский опыт позволяет с надеждой смотреть вперед.

Мужество

Есть на окраине Свердловска деревянный призывной домик. В комнатах прохладно и тихо. На краю кровати, придвижнутой к распахнутым окнам, сидел человек — молодой, искоглый и кирзоватый.

На восемьмом году жизни Евгений Фейербенц пришел в поликлинику болезнью туберкулеза легких, осложненный пневмонией, с отрывом позвоночника, осложнившийся параличом ног. Больше не суждено ему было ездить с отцом в экспедиции; отец работал тогда в горной инженерии, а мать уходила с собой. В цепкой памяти Мени навсегда сохранились широкие просторы Сибири, запах трав, пользование столовой Дальнего Сибирского завода, старый Евгений, до которого пришло. И все-таки не отстал он от сверстников.

У него звонко. Звонкий... Слово это не очень и нему подходит. Слушать обзорные лекции, посещать консультации, практиче- ским занятиям Евгений не мог. Понимал его отец: «Ничего, погоди». Погоди, друг друга. И вот наступил день, когда члены экзаменационной комиссии пришли к нему на прием. Евгений Фейербенц впервые прошел тест зрелости. Директор школы начал было читать постановление педагогического совета, но, не поклонившись над кроватью Евгения, прервался. Ученики сидели, притихшие и серьезные, а маты вытирали платками нахмурившиеся вдруг слезы.

В том же году Евгений поступил на зоологическое отделение университета. Сейчас он окончил уже три курса.

Для Евгения Фейербенца Свердловская Канто не верится, что этот человек

и тени уныния, тоски. Кажется, молодой рабочий пришел со смены, прилег на полничка отдохнуть. Сенека он поднимается, вспоминает, где-то видел эти клумбы для цветов, сажать молодые деревья. Мы говорим о многом: о книжках, о научных журналах, о предстоящих межрайонных соревнованиях. Евгений читает стихи, мужественные, жизнерадостные. Пишет он с детства и уже успел выпустить восемь поэтических сборников. Правда, Евгений Фейербенца — обретенное «место в жизни», любимое и очень важное дело. Каждая его строка обращена к людям:

Хочу,
Чтобы слово
Боролось... служило,
Умело свое доказать
И дорого было новому то и мило,
А нет — так зачем и писать!

Человек смотрит на мир через распахнутое окно, но видит он далеко и гораздо шире, чем другие, — в мире стихов. Можно ходить по земле — и оставаться слепым, ничего не увидеть. И можно, оказавшись слепым, ничего не знать. Но если научиться слышать, пульс времени даст тогда, когда недуг приковал тебя к постели. Сильного духа болезнь может свалить, но победить никого не может. — Евгений Фейербенца — подтверждение тому.

Мы печатаем несஸные стихотворения из последней книги поэта.

В. ТРЕТЬЯКОВ

Евгений ФЕЙЕРАБЕНД

ЖИВИЦА

Видел я, как лечится сосна —
По коре надрезанной струится,
Свой испытана наядена,
Клейкая прозрачная живица.

И, горя на солнце эпитетом,
День за днем замечина рани.
Сосна стоит болтырем
И шумят.
Но радоватьсь рано.

Вновь и вновь сосновые стволы,
Что поддеряли кров лесного царства,
Надрезают сборщики смолы,
Чтобы для людей собрать лекарство.

Только для меня у лекарей
Никакого средства от болезни.

А ее удары все хитрей,
С каждым днем острее и железней.

С малых лет несет за что казним,
И стихи пишу с тех пор, как муучусь.
Значит, нужен стих, раз легче с ним,
Раз светлей с ним пасмурная участь.

И покуда сердца стук не стих
И усталость не сняла гибеля в нем,
Сердце снова выступает стих, —
Встреча с ним потом — как с другом давним.

И счастливым буду я вполне,
Если и другому пригодится
Стих,
В беде помогший выжить мне
Так же, как сосне спасла живица.

РАДУГА

Долго в небе яркий блеск не гас.
Радугой любуюсь огнеюю,
Умудя я, что, может быть, сейчас
Загрустившо вдруг в разлуке двое,
Светлого любовью полюбили.
Дождь прошел.

И над простором нив,
Над заречным лугом,
Над тайгой
Радуга раскинулась дугой.
Опустыла два цветных конца
И соединила их сердца.

ЗОЛОТО

Сколько камня расколото,
Перерыто земли!
Видишь, вот оно — золото!
Постарались — напан.

Нас не скроются над золотом
Азарт драмы.
В золотой ликорадке
Мы не бились, дрожка.
Друг на друга
За пазухой
Не такая ножка.

А не здесь ли когда-то

Этот самый металл
Даже брата на брата
С кистенями бросал.

Скверни, живущая кистари,
Мы изжгли дотла.
Здравствуй, золото чистое!
Наша радость светла.

В дебрях, смолами веюючи,
Нашу дружбу снаж
Никогда не ржавеющий,
Благородный металл.

МАЛЕНЬКАЯ

...Они пришли на вокзал с букетом сирени и большущим свертком.

— Это вам от уральских парней, — сказал, смущаясь, Коля Хотеев.

Мы долго пропадали, долго еще что-то кричали друг другу, когда поезд уже тронулся и начал набирать скорость. Потом мне стало грустно от мыслей, что эти замечательные ребята живут так далеко, почти за две тысячи километров от Красноярска.

Вдруг я вспомнила о свертке, вернувшись в купе, развязала его. И не удивилась. До сих пор не могу понять, почему я не удивилась. У меня в руках оказалась огромный плоский медведь с широкой алоей повязкой и значком дружинника на груди.

Значит, нет больших «Медведей». Значит, можно обо всем рассказать...

В ТОТ ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

— На работу не возьмете? Сынья, вам нужна шифера...

В тесную, неуютную комнатку загвара, как всегда, до отказа набитую табачным дымом и запахом белзина, шагнул паренек.

Копешлевский медленно повернулся в его сторону.

— Откуда?
— Из армии. Комисковали по болезни...
— Был еще где?

АДАМ СРЕДИ НАС

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

— Был. Не берут. Говорят, мест нет...

Копчелевский пристально смотрел на парня, притулившегося у косыка.

«Худое, скучастное лицо. Настороженный, исподобный взгляд. Всех веций — бушлат да поварская сумка. Большой. Овальное, гладкий. Шофер, известья не имеющий». Отказать? Действительно, есть же очень удобная форма: пока не требуешься, зайди попозже...

Сколько раз парень уже самаши подобные слова! Вот и сейчас ему скажут то же... Действительно, кому охота с ним связываться?

Он еще раз оглядел притихших шоферов, ложного загара с цепкими голубыми глазами, посмотрел в окно — тусклые стекла усердно мыла весенний дивень — и ринул дверь.

— Куда ты?

Парень удивленно обернулся.

— Иди в отдел кадров, оформляйся. Завтра на работу. Посеянные в общежитии.

Никто не мог понять, почему Копчелевский взял Адама Дегтерева. Ни мотивов объяснить и сам завар. Одного ему было все больше нечего отказать: это был хороший, большие надежды от него отходили. В его мрачных деловитых взглядах было столько отчаяния, обиды и тоски, что Копчелевский не выдержал.

Он понял, что к нему пришел человек, с которым придется повозиться. Но он все-таки не предполагал, насколько этот человек труден. Ведь он о нем ничего не знал.

«МЕДВЕДЬ» ВЫХОДИТ НА ОХОТУ...

Это было в Белоруссии, на торфоразработках, куда Адам с матерью вернулся из эвакуации. Шел первый послевоенный год. Взрослые работали с утра и до ночи. Следить за детьми у них не оставалось ни времени, ни сил. И ребята сами заботились о себе.

Сначала, постоянно голодные, они решили «раскудаливать» рыбачьих торговцев. Почему это у одних должно быть много, а у других ничего? Помойдат, спокойно возьмут с привавкой все, что нужно, и уйдут, не обращая внимания на притирания теток.

Потом, ободренные безнаказанностью, стали заниматься более «серьезными» делами. Командовал ими «Король». На долю неповоротливого Адама, по прозвищу «Медведь», доставалась самая черная работа: доставлять на шукере, отмеченные устрицы, разбросанные пищу.

Они были малолетними и замутились. Казалось, никто не может вывести их из развеселеси и ни одна масла не тронет этого нескладного, неуклюжего, чешко-действительно похожего на медведя подростка.

Но он думал. Он много думал. И чем дальше, тем больше приходило к выводу, что приведет к людям неудачливым, обиженным жизнью.

Что он видел хорошего? Да ничего. Самые ранние воспоминания — война, эвакуация, гора... Отец их бросил. Мать и старшая сестра

целыми днями на работе. А он ворует. Всегда, все время сходит под ложечкой. Всегда, бедных не трогают. В-третьих, это даже интересно. Вот только мать... Уж больно плачет, когда ей жалуются на него. Нет, невезучий он, это точно!

А потом его начали кидать по стране. Он переехал с места на место, вербуюсь на работу, убегая, словно желаешь убежать, что везде плохо, что везде равнодушные, жестокие люди.

Но это для дня в день он сталкивался с тем-то очень добрым и хорошим. Адам не мог этого не заметить, не мог от этого не умреть.

Разре забыть ему, как он шел однажды пешком пятьдесят километров? Шел, прорызясь сквозь лес, провалившись в болото. Потом на брал на какой-то домик. Хозяина ни о чем его не спросили. Молча обограли, обсушали, на кормили, дали продукты на дорогу. И так же, ни о чем не спрашивали, проводили.

А старик, поделившийся с ним в дороге едой и теплой одеждой? А военком, отправивший его раненым скрип в армии и спасший таким образом от суда, когда он пронес казенное белье? Теперь еще Копчелевский...

Да, Копчелевский не знал, как прожил Адам Дегтерев свои девятнадцать лет. Не знал он и что будет дальше.

ЧТО ЖЕ С НИМ ДЕЛАТЬ?

— Ну, сколько можно с ним возиться? Бухгалтер Жуков, он же секретарь партийной организации автохозяйства, присел рядом с Копчелевским.

— Веди это же не первый случай! Только вы его научили машину как следует водить — посадил за руль какую-то вертихостуку. Опыт, видите ли, передать захотелось! Только забыли об этом — батярен сбил в гараже. Теперь эта история...

Копчелевский, устало кинув тяжелые руки на стол, думал.

Что же делать с парнем? Вроде и машину он любит, и работает с удовольствием, и не пьет, а все у него как-то нескладно получается — то одно, то другое... Есть люди, у которых все гладко идет. А у этого каждый пустяк в проблему вырастает. Какое-то неверию у него в свои силы, в то, что ему желают добра. Какая-то убежденность в том, что он неудачник...

Что же с ним все-таки делать? Вчера забыл закрыть кран у бака с маслом, и не пятьсот литров вылились на землю. Приходит утром шофер — хлыт на аподе по голову пахнет.

— Выпьят! — спросил Копчелевский. — А куда он выпил? Кому он нужен? Выпьят всегда успеет... Кстати, где будем доставать масло?

Жуков задумался.

— Может, попросить в аэропорту отработаник? Как-нибудь выкрутишься. А с Адамом...

— А я что он жить целый месяц будет? Как-никак, около тысячи рублей! Списать надо. А с ним я поговорю сам. Достаточно будет. Сейчас должен подойти...

Да, Адаму вполне достаточно было разговаривать с Копчелевским. Лучше бы деньги с него удержали, лучше бы даже выплаты, чем вот так сидеть с этим человеком с глазу на глаз слушать его глуховатый голос.

Никто не знает, о чем они тогда говорили. Только с тех пор кругло изменился Адам. Частенько, провожая взглядом круглую фигуру Копчелевского, он задумчиво говорил себе:

— Эх, быть бы таким человеком, как он!

И внешне Адам стал другим. Это уже был не тот худой, бледный парнишка, исподобия смортрений в первый день из Копчелевского. Он скреп, раздался в плачах, даже подрос как будто.

Однажды его вызвал завар.

— Слушай, Адам Иванович! (Он всегда называл его так.) Чего мать к себе не возвратила?

— А куда я ее привез? В общежитие?

— Да, нескладно получается... — А сам ульется из под сдвинутых бровей. — Придется тебе дать комната...

— Мне?

— Ну да, тебе! Разве ты не заслужил?
Адам вдруг отвернулся. Чертопашня какая-то! Никак не остановишь слезы. Нервы, видно, накуда у тебя не годятся, «Медведь»... Хотя, какой ты теперь «Медведь»! Ты Адам Иванович... Вот и в этот раз не мог себя сдержать.

...Пришел зимой на работу в летних полуботинках. Не было ни сапог, ни валенок. А на дворе градусы тридцать мороза. Кошевельский увидел, по слова говоря, засыпал Жукова, попечил о нем. Есенин на Адаме была теплая мокшая шаль и новые пахнущие чаем-то забытый и бахромой валенки.

Вот теперь ты похож на уральского шофера!

Тогда он тоже никак не мог остановить слезы...

С каждым днем Адам работал все лучше. С каждым днем к нему все теплее относились софьи — это суроный, отчаянный, беспашенный народ. А потом появилась она.

ГАЛЯ-ГАЛИНА

Адам, весело насыщенный, вел свою самосваль по пыльной, переборкой дороге. Ни солнце, ни лукоть не могли испортить ему настроение: он ехал к Гале. Рядом, на сиденье, лежал огромный букет пыльных цветов — Адам вез его из последнего загородного рейса.

«Купите фильтры», — насыщенный он пылью-песочку, усыпанную вчера по радио, — там такая не найти!»

Сингапурские висачки и белоголовые ромашки дружно кивали в такт мелодии. Было тоже радовало и волновало.

Гала-Галина. Как давно я тебя не видел! Целые сутки... А ведь было время, когда мы совсем не знали друг друга.

И вспомнил Адам ту первую, такую неожиданную и такую важную встречу...

Он приводил ее в магазин, что облюбовал. Грушины, что-то мешкали, и Адам стоя ругаться, да толк красочно и выматывать, как только он одни в автобусе умел.

И вдруг увидел, что рядом стоит, глядя на него и улыбаясь, девушка — крахмалистая, поминовелка, с огромными, в пышных ресницах карими глазами. Малышка, стройная, а при этом нарядная платье...

«Это еще что за птички?» — недовольно подумал Адам. Но рутыши перестали.

Уезжая, спросила у ребят, кто такая.

— Что, понравился? — загогулили они. — Прораб это... Только зря интересуешься. Она образованная, на тебя не посмотрит...

«Конечно, не посмотрит», — разгадывая себя в исцерпанном, медко подрагивающем зеркальце, думал Адам, возвращаясь со стройками. Она красавица, ученья... А я? Четыре класса с грохотом падают конича. Рожа? Отвориться, не нога...

Но она взяла да и посмотрела. То ли из любопытства, то ли из упрямства, то ли из сорства... Во всяком случае, когда Адам, ни на что не надеясь, пристально ее винил, пошла и в парк. А потом их всегда уже видели вместе.

Товарищи не могли понять, что с ним происходит. Адам точно на крымых летал. Все у него спиралось, все ладилось.

Он и сам удивлялся, откуда у него вязлось. Откуда в нем столько нежности, доброты? Раньше с девчонками был груб, заносчив, считал обязательным сказать по их адресу гадость: «Быдлая таких, по рулю чуючек».

А тут слова какие-то необыкновенные появились, на стихах, на песни поэтаму. Мог часами ждать Галу в калитке, мог ночами не спать, лумяя о ней. И ни одной плохой мысли никогда не было в голове — приносится боязлив.

Поворот, еще поворот. Здесь должна ждать Гала. Галина. Галина Яковлевна. Он мог без конца ее звать, мада повторять ее имена.

Девушка села в кабину, взяла букет, спрыгнула в мини-авто.

— Куда поедем, Галина?

— Куда хочешь...

— Может, вон на ту полянку?

— Мне все равно...

Гала уронила цветы на камени. И Адам увидел, что лицо у нее чужое-чужое.

Он расстегнул на трапе свой пиджак.

— Что случилось, Галия?

Адам никак не мог поймать ее взгляда. А ведь еще вчера эти темные глаза смотрели на него так, когда кружилась голова.

Наконец, отвернувшись, Гала спросила:

— Почему ты не сказал мне о своей болезни? Ведь ты поэтому демобилизовались...

— Да просто мы не разу об этом не говорили. Я же давно поправился. Был сильный бронхит, с осложнениями. А что, разве это важно? Ведь я тебе очень люблю...

Это мало... Все-таки ты должен был предупредить меня...

Она помолчала, перебирая поникшие цветы. Потом покраснела, поднялась на покройки.

— Не надо мы больше встречаться, Адик!

И ушла.

Несколько дней Адам ходил, как слепой, изнывая подлецом, на вспышки. Ему казалось, что его обокрали, что у него забрали самое главное,нее, чем когда жить уже не нужно. И он решил...

Это случилось в гараже. Адам, шатавшись, подошел к ребятам, что-то хотел им сказать и вдруг, побледнев, побежал на покройки.

...Когда он очнулся, в руку стоял противный запах бензина, а в голове гудело, как в колеле. Эх, идиот, даже этого сделает не смог! Еще бы наручники...

Повернулся и вдруг увидел огромные темные, в пыльных ресницах глаза. Гриппа...

Все как будто опять было по-старому. И всетаки что-то изменилось в Адаме. Где-то в глубине в самом душе ушло его сердце, жилое, но не для житья.

И то бросало друг к другу, и тогда они обо всем забывали, а то неделями не встречались, не разговаривали.

В одну из таких размолвок кто-то из профперод поднес к Адаму, заворачивая мотор.

— Что ж ты, проморгал свою красавицу?

— Отстань...

Она замахнулась.

Адам, побледнев, замер с ключом в руке.

— Да ты не переживай! Такая же старая твоя Галина, как и все, и даже, драмой что образовывалась...

Если бы ребята не скрутили Адама, он, наверное, убил бы этого человека.

Он же Галину, как и всех, спасал.

Он ее спасал, чтобы спасать Галю, он не стал мстителем. Только один раз съездил к ней: принес маленький, поклонный, передал мурку, голубку — на память...

А потом началась все начальная. Не было больше Адама Ивановича. Снова появился «Медведь»...

«НЕТ В ЖИЗНИ СЧАСТЬЯ»

Каждый вечер, выпив, он шел на улицу. Ему необходимо было на ком-то вымещать обиду. Ему нужно было честно остудить сердце. И он вызывалась в драки, благо тогда в посеке Северного индия один день не обходился без них.

Постоянно минуту, оценит обстановку и, убедившись, что бьют слабого или невиновного, вынесет огромные кулачицы из карманов. Удар — и пронзив, обливавший кровью, летит в мозг — мозг...

«Боец» ковырялся приводом в милиции, а и пятнадцати сутками. Шизофреническая болезнь с ним в отдельности, срала блестящие письма, рассказывала похабые анекдоты и удивленно рассматривала задоренного парня с категоричной надписью на левом пальце: «Нет в жизни счастья», тоскливо напевавшего вполголоса какую-то песенку про фильтры...

Когда были прожиты не только деньги, но и вещи, Адам стал по старой памяти «раскусывать» людей, идущих из магазина. Нет, он не отнимал у них колбасу или консервы. Он брал только спиртное, и пожелал ошарашенному прохожему доброй ночи, ухода.

Все это, очевидно, кончилось бы печально. Но однажды Мила Клейн, комиссар автохозяйства, заговорила с Адамом о работе в комсомольском штабе.

Со словами, что можно развелось, пройти невозможно... Ты бы помог ребятам — сибирячу то у тебя воин какая! Сюда-ка сегодня на вечер в горнотехнический техникум.

И Адам неожиданно для самого себя пошел.

СНОВА АДАМ ИВАНОВИЧ...

— Познакомься, Вася, это Адам Дегтярев. давно его знаю...

Саша Жибоев, член комсомольского штаба Ленинского района, подвел Адама к высокому светофорному человечку.

— А это инструктор райкома, один из руководителей нашей штаба, Василий Кузнеццев. Так произошло еще одно очень важное для Адама эмоцичество.

Конечно, смотрел на этого парня, о котором он слышал, сильная, но скрытая любопытство, Стремление, стремление, изменившееся, а глаза — большие-больные...

Танцы были в разгаре, когда в дверях зала начались какая-то волны. Адам, весь вечер не отходивший от Кузнеццева, насторожился. Двое изрядно подышавших парней, завернувших «яичницу», ломились в зал.

Когда из штаба пришла машина, Кузнеццев задумался: кого же послать с «гостями»? И вдруг поймал на себе умоляющий взгляд Адама.

— Справишься, Дегтярев?

— Не беспокойся — Адам радостно улыбнулся и крепко взял дружок за ширворот.— Плошили...

Через полчаса он вернулся.

— Ну как? — поинтересовалась Кузнеццева.

— А потом шел разговор с Кузнеццевым, что до сих пор не из листа.

По дороге, прямо на ходу, один из задержанных пытались бежать. Адам прыгнул за них, догнал, приволок назад. Пока возился с этим, пытались отдернуть второй...

С того самого дня Адам стал правой рукой Кузнеццева. Он всегда ходил патрулировать в его пятерке. А она бывала в наиболее трудных местах.

Приводили в штаб и пыльцы, раздавливавшие по углам магазинную водку «на троих», и хулиганы, устраивавшие потасовки, и модники, пристававшие к девушкам, и девизы, вышедшие на улицу в поисках «шикарных мальчиков».

Адаму часто не хватало выдережки. Терпение у него доходило довольно быстро, и он не одобрял длительных бесед Кузнеццева со всей этой школой, глубину ему в ход.

Давить на них надо. Сашинцы! Давить... А ты употребляешь...

Случалось, он пускал в ход кулачки. Каждый раз после таких вышибал на него было разговором. Тот не стала Адама, не ругал. А просто обясняла, насколько он еще недисциплинирован, невыдержан, некультурен.

— Понесли бы ты в театр, ведь не было бы никакой! Вот Билет...

Так Адам первый раз попал в оперу.

— А учиться дальше ты что, не собираешься? Охрани! общественный порядок должны образованные люди...

И парень начал ходить в школу рабочей молодежи.

Снова жизнь прибрела смысл. Снова исчез «Медведь» и появился всем уважаемый Адам Иванович. Он уже начал забывать те страшные дни. Но кое-кто ему об этом напомнил...

«ЭХ ТЫ, МУСОР!»

Однажды он пришел в райком хмурый, не разговорчивый. На все расспросы отвечал однозначно: «да», «нет». Тогда привели его не трошки: сам рассказал.

Улучив свободную минуту, Адам зашел в кабинет Кузнеццева, сел и начал ковать пальцами бумажный пятерик.

Ну что ж, тяжелы! Говори. Я же вижу, что то сибирячу...

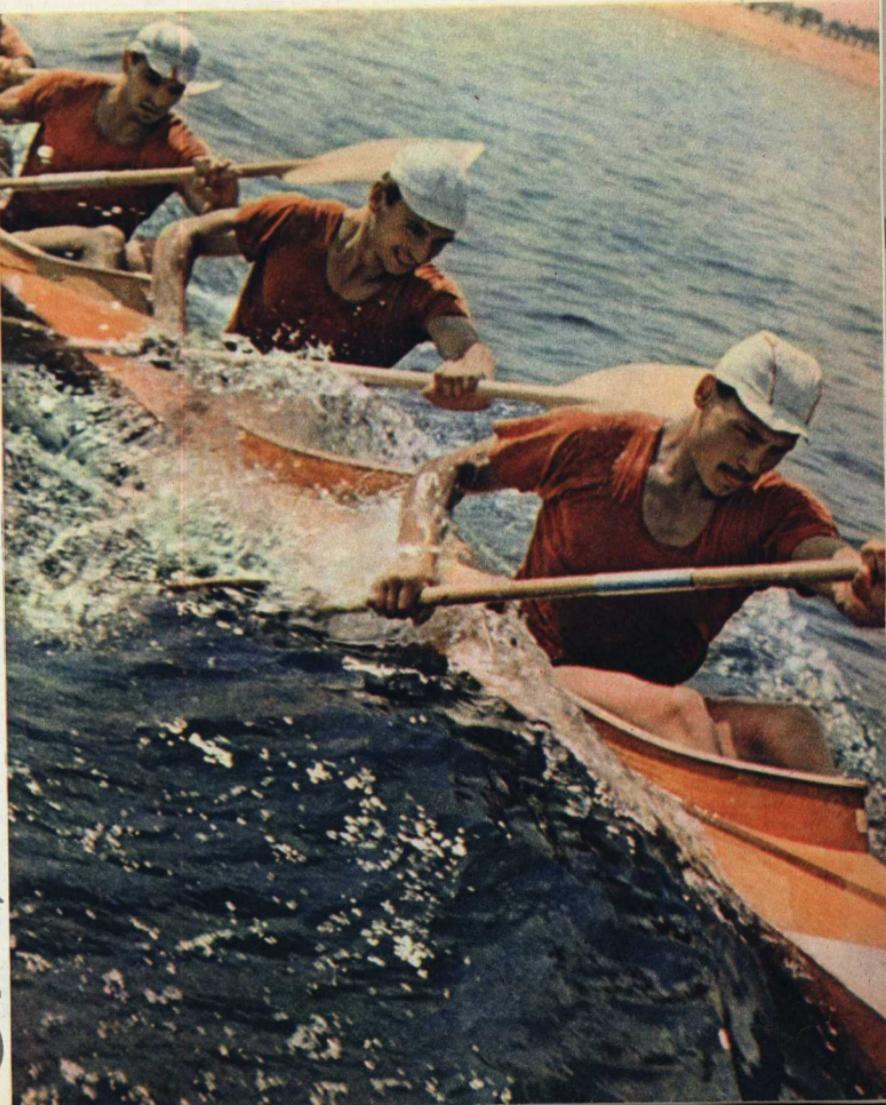
Адам шумно вздохнул и продолжал смотреть себе под ноги.

— Дружков, что ли, старых встретил?

СМЕНА

ОЛИМПИЙСКАЯ

РИМ

Перед Колизеем.

ТАК ВЫГЛЯДИТ С ВЫСОТЫ ПТИЧЕГО ПОЛЕТА «ПАЛАЦЦО СПОРТ» (МАЛЫЙ ДВОРЕЦ СПОРТА). ЗДАНИЕ ВМЕШАЕТ ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЗРИТЕЛЕЙ.

Олимпиада постучалась в двери Рима: скоро олимпийский огонь вспыхнет на вершине капитолийского холма. Но если иностранец видит знаменитые архитектурные памятники по всему городу, то улицы итальянской столицы, он, пожалуй, не заметит, что город живет напряженным ожиданием самого великого и драматического мероприятия. Возможно, он не заметит этого потому, что у римлян особый характер: они не спешат предаваться празднествам и предпочтуют все «потрогать» собственными руками. Возможно, приближение Олимпиады не заставило их забыть, что вандальская жизнь и без того настолько тяжела, что люди охотно склоняются от излишних тревог и волнений. Возможно, наконец, это происходит оттого, что никто еще не может понять, как это семь римских холмов с окрестностями смогли принять сразу, в течение одного месяца, сотни тысяч туристов. Как бы то ни было, приближение Олимпийских игр не вызвало у римлян особых эмоций.

Тем не менее, оставаясь в стороне некоторую сдержанность населения, нужно признать, что в Риме проделана огромная работа. На подготовку к Олимпийским играм было ассигновано 80 миллиардов лир. Спортивные сооружения могут считаться образцом практичности и эффективности. Проложены новые дороги. Правда, достаточно, чтобы путь оказался простая стена, отражающая монастырский сад, чтобы новая магистраль отклонилась от намеченной трассы и совершила поворот, от крутизны которого у водителей захватывает дух, а у регулировщиков движущих волосы встают дыбом. Построен целый городок для спортсменов и сопровождающих лиц. Несколько тысяч человек и снабженный всеми удобствами. Олимпийская деревня расположилась у основания холма, вблизи парка Вилла Глории. По окончании игр она будет заселена римлянами. Вдоль всех дорог, ведущих к городу, от окраиненной виллы Аурелии до скромной виллы Казини, установлены мачты, на которых развеваются флаги 87 наций, участвующих в Олимпиаде в Риме. Предусмотрено многое, сколько и каких продуктов в день будет потреблять каждый гость Рима: 200 граммов хлеба, 200 граммов макарон и риса, 450 граммов салата и птицы, 250 граммов оливкового масла, 60 граммов конченой рыбы, 200 граммов сардин, 5 граммов чая, 30 граммов кофе, 7 литров минеральной воды, литр молока и килограммы фруктов...

Итак, как будто все в порядке. Но если повнимательней присмотреться к тому, как проходит подготовка к Олимпиаде, становится ясно, что впереди лежит, которая, если верить прогнозам оракулов из правящей партии, будет самой величественной Олимпиадой с древних времен и до наших дней, взору открывается немало неприглядных пятен, причем таких, которые трудно не заметить. Прежде всего значительное число итальянцев считает, что правительство, уничтожив тяжелое экономическое положение страны, не мешало бы провести борьбу с безработичностью и сэкономить хотя бы часть израсходованных миллиардов на лечение укасающей язвы безработицы. Во-вторых, работы, как обычно, начались с большими опозданием. Затем делались отчаянные попытки ускорить строительство: тысячи и тысячи рабочих вынуждены были трудиться днем и ночью, огромные средства и человеческие энергии расходовались на сооружения, которые в более или менее близком будущем все равно придется переделывать, усовершенствовать и расширять. Одним из ярких примеров этой отчаянной гонки может служить строительство олимпийской дороги, задуманной как магистраль с повышенной скоростью движения для сообщения между спортивными сооружениями района Фори Италии и районом Эзги (где предполагалось организовать Всемирную выставку.—Прим. перев.). По генеральному плану

Вид на Пантеон.

Зарисовки художника
Г. Горькышнова.

ОЖИДАНИИ

Франко
МАГАНЬИНИ,
сотрудник
газеты
«Унита»
(Рим)

реконструкции столицы Италии часть этой дороги должна была пройти под землей (чтобы не уродовать изумительный парк Вилла Памфили, один из немногих зеленых оазисов, уцелевших среди наступления цемента и асфальта). Однако когда министерство общественных работ почувствовало на своем горле неумолимые тиски времени, было решено строить дорогу на поверхности. После Олимпийских игр заявки мэр Рима хранился демократ Чончетти, она будет переделана и приведена в соответствие с теми требованиями, которые к ней предъявляются. Иными словами, несколько миллиардов lire расходуются сейчас впустую.

Что и говорить, уличное движение — одно из худших зол Рима. Вот уже много лет, как движение в «историческом центре» и многие других районах столицы практически невозможно. Многие улицы узки. Автомобили, мотоциклы, автобусы и троллейбусы ныне насчитываются тысячами. Регулировщикам же очень мало. Сейчас транспортную проблему стараются разрешить, вводя запрещение стоянки на определенном промежутке, ограничения верхнего и нижнего предела скорости. На каждом перекрестке устанавливаются светофоры. Установляются указатели «обязательных обезьяны» и «дорогами обгонов». Зачастую все это не больше чем слова. Горят моторы и человеческие нервы. Иногда, чтобы проехать километр, приходится затрачивать час. А когда по улицам движется каждый день, отправляясь на работу и возвращаясь домой, вынуждены спускаться, как в дантовском круге ада, на римские улицы в час «епика». Чтобы разрешить эту проблему, власти даже создали нечто вроде комиссии ученых мужей, которые после не-

скольких недель тягостных раздумий опубликовали «ирезивайший план». План этот стоит более подробного разговора, так как он создает вполне достоверную картину «Олимпийского Рима».

Прежде всего нужно сказать, что государственный служащий в этом году должен был заниматься с вымышленными кампаниями: в группах которых выпроводят в отпуск. Те же «частичники», которые останутся в Риме (ведь и во время Олимпиады должны работать министерства и учреждения), передают на едином расписании рабочего дня: они будут работать без перерыва с 8 часов утра до 4 дня или до более позднего часа. Единые и обязательные часы работы вводятся также для всех магазинов в городе. Что же касается муниципалитета и его органов, то им отдано распоряжение максимально сократить всю свою деятельность, связанную с приемом посетителей (многие удостоверяются, разрешаясь в гостиницах и т. п.). Центр города, как уверяют, будет в основном закрыт для движения автомобилей точно так же, как и улицы, прилегающие к спортивным сооружениям. Наконец, все текущие ремонтные работы будут прекращены: те, кто ждет, что в их дома проведут воду, газ, телефон, канализацию, должны будут набраться терпения и обходиться как может...

Полиция, естественно, будет мобилизована — от квартала (начальника полиции). — Прим. перев., до последнего агента, так же, как и карabinеры и пожарные. Нелегкая работа предстоит и армии. Военным придется спешно занять обороночные позиции, перевозить спортсменов и сопровождающего персонала от олимпийской деревни к местам соревнований и обратно; в их распоряжении будет свыше 1 200 автомобилей. Бок о бок с пехотинцами и артиллеристами будут трудиться юнкера и сторожа государственных школ: им поручено поддерживать чистоту в помещениях олимпийской деревни. Легко понять, что задача их будет непростой, если вспомнить, что, кроме

подметания полов, они должны будут каждую неделю стирать что-то около 35 тысяч простынь, 14 тысяч наволочек. 9 тысяч покрывал и теtonы белы, которые механизированы и которые не успеют обработать в срок.

Международный аэропорт в Фьюмичино, проектирование и строительство которого уже обошлись в баснословную сумму — 31 миллиард лир, должен был открыться как раз накануне Олимпиады. Меж тем он сможет войти в строй лишь к концу года (спешка при строительстве была такова, что взлетно-посадочные дорожки оказались совершенно не пригодными для приема временных реактивных самолетов). Зато готовы стоярды, вооруженные ульбками, букетами цветов и безукоризненным произношением; они будут приветствовать гостей и слушать их на языках мира. Для этой роли отобрали 400 девиц, восьма привлекательных и, как утверждают, принадлежащих к «лучшим семьям» Италии. Среди них много дочерей дипломатов: например, дочь посла Италии в Москве граф Пьетромарки будет переводчиком русского языка. Кроме того, около 50 титулованных девиц в совместстве владеют тремя языками, не считая итальянского. В их списке фигурируют такие имена, как Урсула Пачелли, внучка покойного папы Пия XI, или Рокка Назелли, племянница кардинала Назелли.

Специализированной фирмой

Готовятся также входные билеты на все виды соревнований (590 типов) на 230 спортивных встреч, предусмотренных программой), флаги стран-участниц (для изготовления в рекордные сроки не сколько тысяч флагов были мобилизованы целями армий портных) и медали — золотые, серебряные и бронзовые — для награждения победителей. Для 3 тысяч журналистов построен гигантский пресс-зал на via Aurelia; 300 телефонных линий и десятки телевизоров связывают его со всем миром; десятки технических служащих помогут привести в движение стакографии.

Международный олимпийский комитет поддержал предложение китайского юноши по имени Чжан Сяоцзюна, состоявшего в спортивных комитетах различных стран тепло простились с друг с другом и с тем, чтобы с 1972 года, чтобы через четыре года снова встретиться в Риме...

Что же произойдет в Италии? Кто из спортсменов внесется в вершинам олимпийского пика и кто, наоборот, не сумеет достичь вершины? Кто будет в Риме самым сердечным претендентом на титул чемпиона Олимпийских Игр? Какие же воспоминания расскажут читателям в материалах, которые публикуются по рубрике «Борьба в Риме»?

Итак, борьба олимпийской начинается... 25 августа спортсмены из 115 стран начнут в различных видах соревнований в Олимпийском стадионе. В этот момент посланцы различных стран, участвующих в Олимпийских играх, который прозвут впереди, после африканской Олимпиады 1968 года, Сибирской Олимпиады, будут вручены грамоты и поэмы К. Налама и положены на музыкальный композитором Сиро Чеккини. Всего в Риме будет 100 олимпийских гимнов (в переводе Д. Нагава):

Античный дух, дух вечной прасоты.
Из глубины оникса синеет ты.
Твой свет и неон...

С небес своих приди на наш Олимп.

Нас в благородной укрени борьбе.

Вдохни порыв и стартуй в мифический бег.

Направь удар и шпаги и весла. Зеленым лавров прыгуны пронесут.

Навстречу смелым, радостным...

Стремятся люди в солнечный твой храм.

Через моря и океаны идут, Античный дух, Олимпа светлыи дух.

...Затем спортсмены примут Олимпийскую клятву. И начнется борьба. Начнется самое интересное и самые интересные спортивные состязания современности!..

ОДНОЙ ДРУЖНОЙ СЕМЬЕЙ

Эта традиция родилась в Мельбурне на XVI Олимпийских играх в 1956 году. Олимпиада в Мельбурне, называемая провести лишь традиционный паряд знаменосцев. Однако национальные команды, участвующие в соревнованиях, получили письмо одного китайского юноши:

«Это было забавное усиленное чувство, которое никогда-либо производилось... Я написал юношу из Китая — Я знаю, что сможете, что вы можете выиграть, и что не является парада участников. Но я думаю, что его надо провести. Параллельно с этим, я думаю, что пары будут отличаться от пары в день открытия. Он придет особый блеск, играя, ибо пары приходят из разных стран, должна быть только одна нация. Война, политика и национальность забываются, и мы хотим, чтобы мир был единой нацией! Мы можем это по-своему осуществить. Спортсмены из разных стран должны выйти на стадион не изолированно, группами, а одновременно».

Международный олимпийский комитет поддержал предложение китайского юноши по имени Чжан Сяоцзюна, состоявшего в спортивных комитетах различных стран тепло простились с друг с другом и с тем, чтобы с 1972 года, чтобы через четыре года снова встретиться в Риме...

Что же произойдет в Италии? Кто из спортсменов внесется в вершинам олимпийского пика и кто, наоборот, не сумеет достичь вершины? Кто будет в Риме самым сердечным претендентом на титул чемпиона Олимпийских Игр? Какие же воспоминания расскажут читателям в материалах, которые публикуются по рубрике «Борьба в Риме»?

Итак, борьба олимпийской начинается... 25 августа спортсмены из 115 стран начнут в различных видах соревнований в Олимпийском стадионе. В этот момент посланцы различных стран, участвующих в Олимпийских играх, который прозвут впереди, после африканской Олимпиады 1968 года, Сибирской Олимпиады, будут вручены грамоты и поэмы К. Налама и положены на музыкальный композитором Сиро Чеккини. Всего в Риме будет 100 олимпийских гимнов (в переводе Д. Нагава):

Античный дух, дух вечной прасоты.

Из глубины оникса синеет ты.

Твой свет и неон...

С небес своих приди на наш Олимп.

Нас в благородной укрени борьбе.

Вдохни порыв и стартуй в мифический бег.

Направь удар и шпаги и весла. Зеленым лавров прыгуны пронесут.

Навстречу смелым, радостным...

Стремятся люди в солнечный твой храм.

Через моря и океаны идут, Античный дух, Олимпа светлыи дух.

...Затем спортсмены примут Олимпийскую клятву. И начнется борьба. Начнется самое интересное и самые интересные спортивные состязания современности!..

ОНИ ДЕБЮТИРУЮТ В РИМЕ

Рассказы о молодых спортсменах — штангисте С. Долматине, волейболисте С. Синко и ворце А. Алибеке — помещены на стр. 22.

В МАТЕРИАЛАХ, ПУБЛИКУЕМЫХ ПОД ЭТОЙ РУБРИКОЙ, ВЫ НАЙДЕТЕ ИМЕНА БУДУЩИХ ОЛИМПИЙСКИХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

18 ОЛИМПИЙСКИХ ДНЕЙ

Фотоочекер на чемпионатах мира по фехтованию В. Растворовой, А. Забелиной и Г. Горовой публикуются под заголовком «Три мушкетера». (стр. 18).

Кто наши главные соперники? Легковые США и пловцы Австралии. Рассказ о них читайте на стр. 15 и 18.

Нелегкий путь на Олимпиаду. Много сил и энергии пришлось отдать спортсменам, чтобы завоевать право на билеты в Рим. Ниже обложке «Олимпийским» смешили тренировки гребцов ЦСКА. Эта четверка выступит на римской Олимпиаде.

Фото В. Сакина.

изготовлено 3 тысячи олимпийских флагов, каждый весом в 431 грамм с запасом горючего, не боящийся ни ветра, ни дождя. Погони на них началась 12 августа, когда увеличительные зеркала зажгли смолу в тренажирнике на вершине легендарного Олимпа. Три тысячи спортсменов пронесли «священный огонь» из Греции в Рим, на расстояние в 2400 километров. Переход от одного к другому, огонь проследовал через греческие города Пиргос, Патры, Коринфа и Элевсин, переплыл Ионическое море на учебном судне «Адлер». Всего пущено в старт 15 олимпийских зенитов в Сиракузах. Оттуда затем через города Кротоне, Таранто, Потенца, Пестум и Неаполь достигнет 24 августа римского Капитолия. Сейчас же вслед за прибытием олимпийского огня будут торжественно открыты игры...

В ожидании этого магического мгновения католические монастыри и семинарии ведут между собой ожесточенное соперничество, готовясь, в свою очередь, вступить в олимпийскую конкуренцию с гостиницами, банкнотами и киплингами в борьбе за туристов: все вместе они надеются, что Олимпийские игры будут для них «золотым делом». В это же самое время главный церемониймейстер Олимпиады уже ломает голову над первой своей серьезной проблемой: Как стало известно, профессор Джекда, бывший председатель екатолического общества, назначенный главным врачом Олимпийских игр, вошел в конфликт с президентом Кони [руководителем Итальянского олимпийского комитета—Прим. перев.] с тем, чтобы добиться присутствия папы на заключительной церемонии Олимпийских игр. Если это инициатива увенчается успехом, многие окажутся в глубоком замешательстве; в самом деле, как рассматривать в запутанной иерархии почетных гостей передком Иоанна XXIII Наравне или выше, чем президент Итальянской республики Фоссати, Генрих Венденник и принцессы Маргарет (поскольку она недавно вышла замуж за простого фотографа Энтони Армстронга-Джонса, не имеющего никакого звания), или других двадцати особ царствующих домов некатолической религии, которые в эти дни будут находиться в Риме? А главное: нарвите или выше мистера Бранддика, президента Междуродного олимпийского комитета, которому по праву должно быть отдано предпочтение?

Кстати, о золоте: вопрос этот весьма щекотлив. Немало людей в глубине души высказывают желание, чтобы «святейший отец» оставил в Ватикане и ограничился лишь общей аудиенцией для спортсменов в день открытия игр...

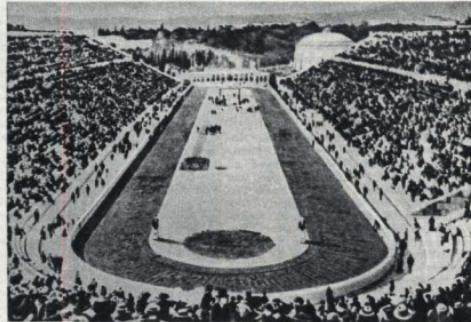
В заключение статьи разрешим привести еще несколько цифр. По слухам Олимпийских игр в Риме пройдет 44 международных поездов, включая расписание грузовых самолетов и десятки тысяч автобусов, автомашин и мотоциклов. По мнению экспертов туризма, хозяева магазинов электротехники, телевизоров, радиоприемников, в особенности на полупроводниках, и, уж конечно, сувениров извлекут из туристов огромную прибыль.

Перевед с итальянского
И. ЛЕЗИН.

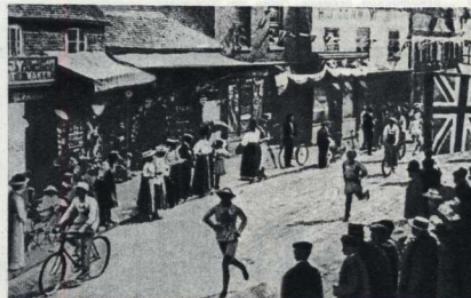
«Трагедия перед финишем» — так охарактеризовали журналисты случай с итальянцем Дорандо, прошедший в 1908 году в Лондоне. Итальянец упал в инциденте и умер в инвалидности у самого финиша. Запасные дистанции он помочь посторонним, за что был лишен Золотой медали.

СНИМКИ РАЗНЫХ

Так выглядел афинский стадион, на котором в 1896 году состоялись первые Олимпийские игры.

Олимпиада 1908 года. Марафонцы соревнуются на улицах Лондона.

Победитель первого марафонского бега (1896 год) — грек Спиридон Луис.

ЛЕТ

А вот Лондон 1948 года. Так выглядела трасса марафонского бега.

ПРЕКРАСЕН ЗАМЫСЕЛ ИГР! ВЕЛИЧЕСТВЕННЫ ОЛИМПИЙСКИЕ ИДЕАЛЫ!

Эвери БРЕНДЕДЖ.
Президент Международного олимпийского комитета

Год шестидесятый, год олимпийский, которого с таким нетерпением ожидала спортивная общественность всего мира, властно шествует по земле. Этот олимпийский год начался несколько не в соответствии с обычной хронологией — в феврале, когда в заснеженной калифорнийской долине Скво Валли прошли звуки Олимпийского гимна и лучшие спортсмены многих стран начали соревноваться по программам зимней Олимпиады. Удивительно интересно было всем: и участникам и зрителям. Казалось, в те дни все вокруг витало в себе истинный олимпийский дух — дух чистой борьбы и настойчивой спортивной дружбы.

Сейчас мы стоим на пороге еще более знаменательного события: 25 августа в Риме открываются XVII летние Олимпийские игры. Рим снова, как и более пятидесяти лет назад, становится центром спортивных городом. Одни из красивейших городов мира словно специально созданы для такого величественного спортивного форума. Прекрасные архитектурные ансамбли и памятники древности Бечевного города перекликаются с колоссальными современными сооружениями, как бы символизируя исторический путь, пройденный цивилизацией и вместе с тем спортом. Об этом будут напоминать и сами места проведения состязаний, будто бы прекрасные Дворцы спорта, монументальные памятники, построенные на последнем слове техники, или великие памятники архитектуры древних времен — базилика Каракаллы, базилико Ди Массенцио, Аппиева дорога — не менее интересные и красивые спортивные сооружения.

Сейчас Рим принял гостей. Для участников игр и зрителей во время Олимпиады раскроются двери многочисленных выставок, будут показаны увлекательные представления. В программах включена выставка «Спорт в истории и искусстве», где крупнейшие музеи мира будут экспонировать скульптуры, картины, фрески, изделия из бронзы и керамики, отображающие развитие спорта от древнейших времен до наших дней. Откроется выставка «Спорт». Будут проведены музыкальные конкурсы, показательные выступления по предшествующим видам соревнований. В дни игр в Риме будет проходить традиционный карнавал, широко известный во всем мире.

Около девяноста стран мира — членов

МОК — изъявили желание принять участие в XVII играх. Таким образом, рекорд Хельсинки и Мельбурна (которые собрали пока наибольшее количество команд) уже побит. Мне кажется, что эти игры ознаменуются также высокими результатами. Дело в том, что в предолимпийские годы во всех странах мира проходило очень много крупных соревнований, на которых зачастую были показаны поистине феноменальные результаты. Я убежден, что за восемьдесят дней до Олимпиады получут много новых олимпийских рекордов, будут многое спорять в плавании, легкой и тяжелой атлетике. За последнее время значительно возрос дух мастерства баскетболистов, гимнастов, боксеров, гребцов и представителей других видов спорта. Отрадно, что в Риме многие команды выступят по большинству, а то и по всем видам спорта. Это команды США, СССР, Германии, Италии, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Австралии, Франции, Великобритании.

Всё это подтверждает, что всемирный спорт получает все большее развитие и что возможностей атлетов неисчерпаемы...

На Олимпийские игры не ограничиваются представлениями состояния. Они прежде всего являются гражданским международным спортивным фестивалем.

Олимпийские игры были возрождены в конце прошлого века бароном Пьером де Кубертеном не только для побятия рекордов и вручения медалей. Идея олимпийского движения заключается в том, чтобы стимулировать улучшение национальных программ развития физической культуры и спорта, способствовать росту сильного и здорового человека, делать все, чтобы люди во всем мире могли плодотворно работать для накопления духовных и материальных ценностей человечества... Олимпийское движение — представительство любительского спорта, свободного от чудаков и дешевых трюков... Прекрасен и замечателен, который волоцится на Олимпийских играх, — укрепление дружбы спортсменов всех стран, что способствует осуществлению благородной цели — мира во всем мире!

В заключение хочу через журнал «Смена» пожелать спортсменам Советского Союза, как и спортсменам всех других стран, успехов в осуществлении этих благородных идеалов Олимпийских игр.

Перевед с английского Ю. СТЕРЛИНГОВ.

Країна Спорта

ВОТ ОНА, ОЛИМПИЙСКАЯ МЕДАЛЬ (лицевая и оборотная стороны)! Такой медалью награждаются призеры олимпийских игр.

Лично уже ставшее арханчным изречение «Все дороги ведут в Рим» полностью соответствует сегодняшнему действительности, — если уточнить, что речь идет о 1960 году и о дорогах спортивных.

Да, мысли любителей спорта приводят сейчас к Риму. Без риска и опасности мы можем предвидеть, что те группы советских спортсменов ССРС, коим выпала честь представлять нашу страну на стартовом столе олимпийских залах Рима, сумеют добавить новую славу своей Родине, увеличить число золотых, имен в спиральных монументах спорта.

Но дорога в Рим в нашей стране началась не вчера и даже не год назад.

В 1951 году, по неполным данным, в стране занималось физкультурой и спортом около 38 тысяч человек. В началу 1955 года это число превысило 140 тысяч. В 1955 году в ССРС стало около 350 тысяч физкультурников и в 1954 году — свыше 4,5 миллиона. Особняком резко возросла армия физкультурников за последние годы. Так, если в 1948 году в стране было 150 тысяч новых физкультурников, то теперь в количественном физической культуры объединено больше 20 миллионов

человек. Челое государство, и не малое. А в 1965 году мы планируем довести численность мирной армии советского физкультурника до 100 тысяч.

Кто же они, эти миллионы рядовых армии советского спорта? Это гимнасты, эстрадисты и народные, тяжелоатлеты и студенты, инженеры, преподаватели и профессора. Динамики и скоростные, а также национальные спортсмены в том, что называют «теоретиками» в том, что называют «роботами», механические люди, покорно выполняющие заданные ими задачи, — это несомненно смеется над этим выдумщиками. Примеров тому, как действительно опровергает подобные обобщения, можно привести из истории спорта в ССРС. Приводите ли это — значит перечислить миллионы.

Список наших чемпионов и рекордсменов, естественно, короче. Но их достижения, их великолепные успехи, их заслуги перед спортом благодаря тому, что за спиной рекордсмена стоит могучая армия спортсменов и физкультурников. Ими созданы рекорды, и ими установлены золотой ключик наших рекордов.

Рекорд требует кропотливой, настойчивой тренировки. Путь и путь достоин успеха. Путь к званию заслуженных мастеров. Этот путь спортующим людям впереди. Им предстоит преодолеть многое. Иногда спортсмену приходит-

ся выступать в тяжелых условиях. Нет ли здесь противоречия с олимпийской миссией нашего спорта? Нет, такова же миссия Спорта — это соревнование, это борьба. Но это не подневольное занятие, это не единодушное дело добровольцев, и победа достается тому, кто сильнее и настойчивее.

Небывалая по напряжению борьба разыгралась в матче легионеров ССРС и США в Филадельфии. Основной счет был открыт нам в 16 тысяч метров, но борьба пришлась при сильной жаре и очень влажном, как в бане, воздухе. И в этот момент вспыхнули бои в страшных мукахах. Одни из американцев в судорогах свалились далеко до финиша. И трудно сказать, для кого это было худшим словом, чем «подиум», чтобы оценить упорство эстонца Хуберта Пирзинана. Совершенно забывшись о правилах, он, оторвавшись от группы, побежал в сторону, немовлямые напряжением воли он сумел заставить себя. И вдруг, дрожа от усилий, он начал на руки тяжелейшую лину за финишной чертой. Когда советские спортсмены подняли Хуберта на руки, они поняли, что он победил, потому что он сам не добился бы до раздевалки: они несли его на руках как настоящего героя, который, низко склонив голову, победил команды большие, чем мог.

А сколько тревожных, тяжелых минут прошло, прежде чем один из самых мельбурнских Олимпиады Михаил Кир, рекордсмен которого на обеих Олимпиадах, занял до сих пор не побитый, на международном чемпионате мира пятый борец Игорь Новиков, изменил свое мнение о том, что «противники» — не «роботы», механические люди, покорно выполняющие заданные ими задачи. И вот, нанеся зеленый багрятий тяжелоят Юрий Власов, как заставил вспомнить о себе старый спортивный Ирина Борисова, вновь в Риме. Герой Их всех отличает огромная воля и победа, настоящая спортивная любовь к спорту, пример для всей нашей молодежи.

Да, список их горюче, чем перечисление всех советских спортивных и физкультурных достижений не менее замечательный в мире. Если в 1948 году в нашей стране было установлено 152 новых союзных и 17 новых рекордов, то через десять лет, в 1958 году, было зарегистрировано 234 новых рекорда — больше, чем любой другой стране.

Давно перестали для борьбы огни Урочищенных, усердия работают в топках негров, уютно потрескивают в печах и каминами. Всюду горят огни спорта, расцветают на стадионах олимпийский огонь — символ подлинно спортивного, дружеского соперничества. И в этих огнях в спортивных залах горят он. Свет спортивной дружбы озаряет многие соревнования.

ни, в которых встречаются люди из всех оттенков кожи, всех континентов.

Был первый легкоатлетический матч ССРС — США, состоявшийся в Москве летом 1958 года. Венециан, после окончания матча, поблагодарил американцев за прием, но номер призыва Эрика Шелби был устроен своеобразный негритянский клуб. И взял тогда интересную фотографию, на которой, кроме Эрика Шелби тут же нарисован чудесный рисунок. Он взял своего товарища по команде Эда Коллинса и нарисовал на нем карлик, склонивши к нему и быстро набросав, контуры. Затем под каждой рукой Эрик нарисовал флаги ССРС и США.

— Готов! Вот главный результат матча. Пустяк драма друблена спортивного матча ССРС.

Но случайно этот рисунок, опубликованный в «Советском спорте», перенесли на многие забуденные страницы. Он действительно символичен. Он отражает большое значение встречи ССРС и США в борьбе за мирное сотрудничество между народами.

Но всем, однако, почуствуйте, что спортивные достижения ССРС привнесли свет олимпийским идеям, стремление к миру, дружбе и взаимопониманию между народами. Конечно, спортивные достижения, утверждающие, что «спорт выше политики», упорно предлагают спортивную дружбу, самобытность, арифметичность. Например, вдруг из общечеловеческих показателей спорта превратятся в спортивные имена. Тут уже видна явная тенденция...

На XIV Олимпийских играх Австралия заняла первое место. Занесенный лучами греческого солнца в Олимпии, на холме Кронос, олимпийский огонь зажигали в небольшой австралийский городок Дауни. Затем олимпийский огонь, отданый из Мельбурна посетил Нью-Йорк, где впервые в мире вдруг выпыхивал из цветательница. Бегун растерялся и застыл от неожиданности. Пламя медленно умирало. Но тут же, высокий юноша, обнажив пальцы, он схватил пухаущий огонь и занес новый флаг.

Случай этот не столь любопытен сам по себе, как многозначителен. Наши спортсмены, зажигая олимпийский огонь — огонь спортивного соперничества и сотрудничества, честной борьбы и искренней дружбы.

Пускай разгорается этот мирный огонь! Советские люди разделяются его лучами.

Б. БЕНКАЗАР-ЮЗБАШЕВ

ОЛИМПИЙСКИХ ДНЕЙ

В течение нескольких десятилетий — вплоть до Олимпиады 1952 года — советскими гимнастами мира считались спортсмены Швеции, Финляндии, Японии...

Но вот на международную арену вышли советские спортсмены. И сразу же стали полноправными участниками олимпийских игр.

Правда, в последнее время в наших гимнастах появилась горько-сладкая конкуренция в лице спортсменов Японии. И японские гимнасты шаг за шагом приближаются к лидерам. Но Олимпийские Мельбурнские игры японский гимнаст сумел определить сильнейшего гимнаста японской команды Такаси Оно. На чемпионате мира 1958 года, проходившем в Токио, японец сумел сделать один Борис Шахлин. Танако Оно снова стала обладательницей серебряной медали. Да и в международных состязаниях тоже наши спортсмены всегда уверенно «разделялись» на первые места в борьбе с японцами.

В том же Мельбурне после обязательной программы национальной команды опережала японскую всеяго на 0,6 балла.

И ныне, когда речь заходит о том, какая из гимнастических команд победит на Олимпийских играх в Риме, мы можем называть только двух претендентов: ССРС или Японию.

Но мы знаем, что в высшей ступеньке пьедестала почести — и заслуженному.

У японок, имея никода, силен Такаси Оно. Он побеждал на чемпионатах мира, борясь с японками японской сборной в Токио, Лондоне, Токио...

И национальная команда Японии...

Сборная Японии...

Да, борьба советских и японских гимнастов в Риме должна быть необычайно напряженной. Опыт в соче-

тании с молодостью делает мусионную команду необычайно грозной. Наша команда, в свою очередь, готовится к Олимпиаде. На последних соревнованиях в Ленинграде высокий класс подготовки японской команды, занявшей четвертое место и права участия в Олимпиаде.

На третьем месте в Риме могут реально претендовать мусионные команды Швеции, Финляндии, Чехословакии и Греции. Претенденты Стокгольма, Хельсинки, Эдинбурга (Швеция), Астераси (Греция), Альберт Алан (Финляндия). На них специалисты возлагают большую надежду.

Несобычайно напряженной должна быть в Риме и борьба гимнастов. Общее преимущество советской команды здесь не вызывает сомнений. На стороне национальной команды стоит и поистине великолепное умение однажды спасших мир от ядерного снаряда. Лучишины в нашей женской команде остаются участницами олимпийских соревнований. Абсолютная чемпионка Олимпиады из Полбаса Полина Астахова и москвичка Софья Муратова. Прядка, разница есть, и немалая. Латышская спортсменка, абсолютная чемпионка Олимпиады из Латвии — Лайза Литвина. Многие лидеры, Астахова и Литвина, многое сделали для команды, спешат олимпийской медалью, то теперь трудно отдать кому-либо предпочтение. Все три претендента подготовлены.

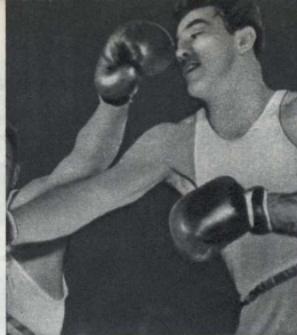
А мы будем болеть за наших спортсменов и гимнастов Венгрии, Польши, Чехословакии, Румынии и Японии. И в этих командах есть свои фавориты, Муратовой и другими советскими гимнастами. Это Елена Ракочи (Польша), Ангелис Келети (Венгрия), Елена Борисова (Чехословакия), Елена Леутупитин (Румыния), Кейтлин Томпсон (Япония).

А может, блеснет и совсем молодые спортсмены, о которых еще там мало знают любители спорта? Ведь существует четыре года назад неизвестная Лариса Лыткина, будущая ошеломить спортивный мир своей блестящей победой!

В СТРОЮ
ГИМНАСТОВ

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ СПРИНТЕР ДЖЕССИ БУЭНС — ОБЛАДАТЕЛЬ ЧЕТЫРЕХ ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЕЙ ОЛИМПИАДЫ 1936 ГОДА.

РОБЕРТ РИЧАРДС (США) БЫЛ ПЕРВЫМ В ПРЫЖКАХ С ШЕСТОМ В ХЕЛЬСИНКИ И МЕЛЬБУРНЕ (1956 г.).

ЗДЕНЕК ЗАТОПЕК (ЧЕХОСЛОВАКИЯ) ВЫПРЯГЛ ТРИ ЗОЛОТЫХ МЕДАЛИ В ХЕЛЬСИНКИ (1952 г.).

ГЕРОИ ПРЕЖНИХ ОЛИМПИАД

ВИЛЛЕ РИТОЛА И ПАВО НУРМИ — ПОПУЛЯРНЫЕ ФИНАНСЫ ОЛИМПИЙСКИХ ИГРЫ. НУРМИ ЗАВОЕВАЛ ОДИННЯТЫЕ СЛОЖНОСТИ 12 ОЛИМПИЙСКИХ МЕДАЛЕЙ, А РИТОЛА — НА ЧЕТЫРЕ МЕНЬШЕ.

РОБЕРТ РИЧАРДС (США) БЫЛ ПЕРВЫМ В ПРЫЖКАХ С ШЕСТОМ В ХЕЛЬСИНКИ И МЕЛЬБУРНЕ (1956 г.).

СОВЕТСКИЙ СПОРСМЕН ВИКТОР ЧУРАНЕНКО — ПРОФЕССИОНАЛ, ПОБЕДИЛ СОРЕВНОВАНИЯ ГИМНАСТОВ НА ДВУХ ПОСЛЕДНИХ ОЛИМПИАДАХ. ОН ЗАВОЕВАЛ 11 ОЛИМПИЙСКИХ МЕДАЛЕЙ.

Да, советская баскетбольная команда буде в Риме однажды из самых молодых. Достаточно сказать, что старейшему из ее членов — вратарю Михаилу Калашникову В. Угрешадзе, по двадцать. Но может ли эта молодость насторожить наших баскетболистов? Для беспокойства пришло сесть основания. Молодые баскетболисты во многих лигах Европы и Америки, они с достоинством вышли из жестоких схваток в Сан-Иго и Стамбуле. Сейчас на вооружении советских баскетболистов — искусство дриблинга, умение вести мяч в руках, способность вбежать в зону соперника, и скрытые передачи и тактический «вышибающий пилотаж» — стремительные прорывы и бетонный прессинг. Мы разыграли с четырьмя советскими баскетболистами Юрия Таники — наш непривычный центровой Виктор Зубцов — капитан нашей сборной, щенок и прыгунчик Юрий Корнеев — обладатель схвата под кольцом, воспитанник армии. Ни Корнеев, ни снайпер Михаил Семёнов, опытный разыгрывающий Майтагин и Владимира Соловьева не являются, конечно же, американцами. Это бесменные чемпионы всех олимпиад. Но последние годы показали, что сейчас их гегемония находится под угрозой. Помимо этого, сложились условия, когда на турнире не глубоко команда, как прежде, а сборную, составленную из «звезд» — очень разных игроков, обладающих превосходной техникой. Конечно, это не значит, что в Риме мы будем проигрывать американцам очень мало (вспомним, что в Хельсинки наша команда была в среднем на 11 см ниже американцев), но, впрочем, это не значит, что наши физически подготовленные, тактически моноличные самодоверженческие игра хорошо сыгранного коллектива...

Не следует скрываться со счетов и другие претенденты на золото в баскетболе — Италия и Франция, тренер которой Того Рене Соарес дерзит в стражайшей тайне от журналистов секреты своих воспитанников и тренировок. Итальянцы, конечно же, не первая команда для любой команды будет сборной Болгарии. На подиуме сейчас сидят итальянский баскетбол.

Итак, спор решится в олимпийские дни. Точные, 7, 9 и 10 сентября, когда в Палаццо делло спорта будет разыгран финал олимпийского баскетбольного турнира.

Советские борцы сейчас не имеют себе равных. В мас-рестлинге и в греко-римской борьбе — чемпионы мира и Европы: И. Соловьев, Н. Соловьев, Г. Карапетян, Г. Картошкин, В. Николаев (классическая борьба) и М. Николаев (вольная борьба). В XVII Олимпийских играх в вольной борьбе в командном зачете первенствовали турецкие спортсмены. Однако и в этом виде борьбы соотношение сил иные, чем в греко-римской. В 1956 году в Сиднее сработала команда СССР, и в последнем чемпионате мира 1959 года. На этом первенстве турки впервые за последние годы были вынуждены быть уступщиками первенства...

Но это рискованное предположение, да и не предвидеть превосходство советской школы борьбы.

Конечно, «волнины» Турции попытаются засечь, разыграв сильную группу из трех сильных соперников. Среди турецких борцов выделяются Х. Аюбас (легчайший вес), прозванный «плантером», М. Дагистанлы (полулегкий вес) и «турецкий лев» Х. Саклан (легкий вес). Соперниками сюжета будут, конечно же, такие «волнины» Болгарии, Ирана и Японии. В этих командах тоже немало опасных конкурентов, таких, как Ш. Сетахара и М. Накадзима. Но, конечно же, волнины Ирана и Японии не менее в борьбе с греками соперниками наша сборная должна взять верх. Советская команда имеет сейчас очень ровные составы, где каждый из борцов представляет боевую единицу. Желающие могут обратиться к Г. Скрипциадзе, В. Балавадзе, А. Алиев, В. Синявским.

Что касается классической борьбы, то тут нашими соперниками будут греки и США. Но они могут добиться успехов лишь в отдельных, несовых категориях, в комбинациях соревнований первенств советских спортивных союзов. Г. Карапетян (Нагорно-Карабахской) и другой грек могут рассчитывать на золотую медаль. Сколько их будет покусаться схватки на ковре. Сейчас же мы находимся впереди. Соперники из США — это братья Р. и С. Доган (Турция), П. Сиракон, Ю. Ахмедов, Д. Добрев (Болгария), К. Инессон и В. Антонескон (Болгария), Тер-Петросян (Армения).

В целом составления борцов на XVII Олимпийских играх будут интересными и упорными. Класс соперников очень высок!

50 ОЧКОВ... А МОЖЕТ БЫТЬ, БОЛЬШЕ?

Ноябрь 1951 года. Советские атлеты-спринтеры собираются сделать свой первый шаг в международный спорт. Они даются призы венгров. Всё находит место в газетах: «Как высоки наши шансы?»

Но вот инициативы скрещены. И все исчезают с нашего места. Полная равнодушия.

Так началась путь наших фехтовальщиков. Он не был усыпан розами... Опыт и техника в этот честный спортивный бой не пришли — неудача. Проходит четыре года... Мельбурн — сквозь неудачи... Четко восторг спортивных очков.

Это было только начало. Прошло еще два года, прежде чем и мы, и другие спортсмены добьются победы на чемпионатах мира в Филадельфии. Пятьдесят очков — это уже заслуга советской команды. Это было уже качественный скачок, быстрый и неудержимый. И уж, следуя за успехом, мы неуклонно приносим нашим рекордам количественные призы.

Чего же мы можем ждать в Риме? Победы. Бессспорно, победы. Но и другие спортивные пристрастия женщин: Забедина, Растворова, Прудникова, Горюхина... Победы, конечно, могут стать обладательницей золотой медали. Не меньшими мы можем ждать, и от наших рапиристов. Их команда, спортивно-траектория признала «Королевство фехтования». И это после победы в группе претендентов на чемпионата мира 1959 года президент Федерации заявил: «Но родина — это не только ваши руки!». Что же президент прав. Советские спортсмены в финале со счетом 9:6 победили испанцев и в последней

встрече буквально разгромили испанцев. Особенно отличился Марк Мидлер. В 13 боях он одержал 12 побед. И это не первая его успехи. В 1954 году в юбилейном турнире в Риме Мидлер победил итальянца Спалини и винтила Шашковского. К тому же тогда атлеты назвали его «диковинским маравинским» («молодой», «очень интересный»).

Очень много других имен, написавших славные страницы в истории спорта. Их можно назвать рядом с Мидлером. И трудно сказать, кто из них наиболее заслужен, если бы были олимпийскими чемпионами или чемпионами мира. Итальянцы Спалини и братья Манджинотти, французы Гарнье и Беттер, венгры Камуты, Дьюрьони, Фюлоп и, наконец, англичанин Джон Браун.

Но только рапиристы заставят перекинуть болельщики. Саблисты — самый таинственный вид фехтования. И если «музыкальная рапира» полна неожиданностей, то сабли, почти точно можно назвать победителей. Это венгры. Это уже 32 года, как венгры не проиграли, они не уступают им ничего. Ни командного первенства Европы, ни подиумов команды могут спорить с венграми. Но очень трудно выигрывать в этом спорте. И все-таки... Венгры — это не единственные. Тангер, Куценко, Череповский не теряют надежды на успех. И, конечно, не только. Другие фехтовальщики мира были французами итальянцами. В прошлом году в группе претендентов на чемпионат мира винтила Хабиров. Ему остается только подтвердить свое мастерство в Риме...

В ОЖИДАНИИ «УРОЖАЯ»

Любители спорта, вероятно, помнят, что на Олимпийских играх в Хельсинки и Мельбурне за золотые медали борьбы разгорались в Финляндии и Австралии. Две команды — СССР и США — на голову превосходили остальных участников соревнований. Лишь спортсмены этих стран оспаривали друг у друга первенство. В Мельбурне же в штангистах США было нациено появление счета очков 40:38; в Мельбурне американцы взяли разрыв 42:41.

Теперь в Риме штангисты СССР и США, бесспорно, снова будут бороться за золотые медали соревнований. Однако соотношение сил за последние годы изменилось. Возможность, хотя бы такой весьма показательный факт. Если в декабре 1958 года советские спортсмены взяли 14 мировых рекордов, а атлеты США — 13, то на 31 мая 1960 года, когда СССР стал иметь 17 мировых достижений, а у атлетов США — лишь 6. Это говорит о том, что в группе штангистов сделаны огромный скачок вперед.

Из всех дальневосточных атлетов выставляемая наша команда на полусередине и тяжелом весе. Родионовский Ю. Васильев оба сезона подряд громко проходят соперников. Больше того, Бласов, в состоянии в Риме побить рекорд мира в весе 150 кг. Айдерсон в сумме троеборья для него по силам руслы 515, а то и 520 килограммов.

Несомненно также победа наших атлетов в легком весе, вы-

ступит два советских спортсмена — олимпийский В. Бушуев и юный С. Лопатин. Их соперники — японец К. Окума и сингапурец Ч. Хань. Сингапурцы, конечно, уступают в подготовке нашим мастерам. Отличными шансами на золотую медаль обладают Сторогов (легчайший вес) и А. Воробьев (полутяжелый). Ириада, соперница у нас более опытной японской спортсменки Ч. Винчи и К. Эмрик японки Минко и английчанки Л. Мартин. В послужном списке выделяется мощный атлет Т. Коно (США), борющийся с китайцем Ч. Чжаном. Соперники наши Ф. Богдановский. А в полулегком весе претенденты на первенство — японец Эндоши (Польша) и И. Бергер (США).

После ряда поражений на первенствах мира американские штангисты, наконец, начали меры и восстановили свою авторитета. В частности, соревнования, так называемые «Детский тяжелотяжелостный клуб», провели массу состязаний, в том числе и при «Золотой медали» в русском стиле. Успехи, конечно, не малы. И тем не менее штангистам США неизменно будет бороться за золотые медали в Риме. Ведь немало талантливых атлетов выросло и в других странах — в Японии, Франции, Италии, Великобритании.

Да, уровень подготовки участвующих спортсменов Олимпийских игр высок. Значит, и состязания должны быть, как никогда, увлекательными и «урожайными» на рекорды...

РЕДКИЙ СНИМOK, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ФИНИШ ФИНАЛЬНОГО ЗАВЕГА НА 100 МЕТРОВ НА ОЛИМПИАДЕ В ХЕЛЬСИНКИ (1952 Г.). ТОЛЬКО ПОСЛЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ФОТОПЛЕНКИ БЫЛ ОПРЕДЕЛЕН ПОБЕДИТЕЛЬ. ИМ ОКАЗАЛСЯ НЕГР РЕКИНИНО.

БЫСТРЕЙШИЕ ИЗ БЫСТРЕЙШИХ

В нынешнем сезоне американские спринтеры Рей Нортон, Боб Морроу, Чарльз Тидуэлл, Билл Боддес, бельгиец Дональд и Денни Стилер уже показывали результаты, близкие к мировым рекордам. Смогут ли немец А. Харц, установивший недавно мировой рекорд — 10,0 секунды, итальянец Р. Берутти и ряд других бегунов оказать им серьезную конкуренцию в Риме, покажет время. Одно ясно: вспиниться в тройку спринтеров-американцев будет нелегко.

Из кого же конкретно будет состоять тройка быстрейших бегунов США? Этот вопрос задавали себе 40 тысяч зрителей, собравшихся в один из майских дней на стадионе Франклина Филда в Филадельфии, чтобы посмотреть традиционные соревнования, так называемые «Пенсильванские эстафеты». Соревнования не были отборочными, но тем не менее решали многое.

Моросый дождь, дул порывистый ветер. Судья-информатор предупреждал зрителей участников этого спортивного забега. Все пятеро были для рекордсменами мира! Вот шаг назад сделала известный спринтер Боб Морроу. Но его лицу видно, что это обычно очень сдержаный спортсмен заметно волнуется. Победа и Даий Зим, который четыре года назад был лучшим спринтером мира. Невысокий и коренастый Билл Боддаус выглядел деловито. Маленький Айра Мерчинсон, как всегда, улыбаясь и переминаясь с ноги на ногу. Тапты был представлен молодой негр Рей Нортон, который вот уже целый год не знал поражений на обеих спринтерских дистанциях. Правда, в борьбе с сильными соперниками он бежал обычно скованно и с трудом вырывал победу на последние метры.

Но вот спортивные замеры показали, что в трех колодках. Когда наконец поднялся ветер, лидером стал молчаливый Морроу. Более 30 метров он был опереди. Однако Рей Нортон за 40 метров из финишной ссыпался с лидером. Последней мощной спurt — и ленточкой флага — груди молодого негритянского атлета. Вторым финишировал Морроу, за них, отстав на грудь, финишировал Зим, который на этот раз неудачно взял старт. Четвертым был Боддаус, и последним, немножко отстав от остальных, Мерчинсон.

Рей Нортон нашел себя! Он перестал болтаться на конкуренции на дистанции.

Несмотря на поражение, Даий Зим тоже был в превосходном настроении.

— Наконец-то все идет хорошо, — сказал Даий, спортивная карьера которого столько раз прерывалась из-за разрывов мышц. — Я давно не стартовал в одних соревнованиях сразу в беге на сто и двести метров. Больные ноги препятствовали этому. Чувствую, что теперь смогу тренироваться в полную силу. А это для меня — самое главное...

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ: СОПЕРНИКИ ИЗ-ЗА ОКЕАНА!

Улыбаясь и Айра Мерчинсон, перенесший прошлым летом три сердечные операции.

— Обычно после пятидесяти ярдов мне удается увеличить скорость более Седрика этого не случилось. Однако состояние моего здоровья отличное, — с удовлетворением констатировал Айра. — Я выжил только благодаря надежде, что снова смогу бегать. Сейчас я твердо убежден в этом.

олимпийским чемпионом и рекордсменом мира. Согредоточенность и умение собираться позволяют ему одерживать победы даже в тех случаях, когда соперники превосходят его по физическим данным.

Естественно, что после того, как Перри из сильнейшего превратился в четвертого, спортивные обозреватели поспешили взять у него интервью относительно планов на будущее. Интервью состоялось во время тренировки. О'Брайен толкал ядро, неторопливо направлялся за ним в сектор, на ходу отвечая на вопросы.

— Впервые за десять лет у меня появились достойные соперники. Надеюсь, что это позволит мне добиться более высоких результатов.

Ядро Перри чаще всего приземлялось между стоянками в 18 и 19 м. На тренировках он старается не толкать в полную силу, но зачастую непосредственно с ядром продолжаются от 2 до 3 часов. Перри считает, что это дает ему возможность лучше сохранять стойку необычайно нервной для соревнований.

— Позвольте, — продолжал О'Брайен, — я больше не буду помогать им облагораживать себя. До сих пор я охотно делился своими секретами. Теперь же я раскрою некоторые новшества в моей технике только после конца сезона. А этот сезон будет очень интересным. Впервые я не преследую, а преследован. И здесь не надо забывать о моем многолетнем опыте. Я все еще «старший гражданин» среди толкателей ядра!

Все остальные участники «квартета» хоро-

НЕБЫВАЛЬНЫЙ «КВАРТЕТ»

В течение многих лет сильнейшими толкальниками ядра были Перри О'Брайен, с 1959 году рекорд калифорнийца достиг удивительной цифры — 19 м 25 см. Весной 1960 года пришла целую революцию в этом виде спорта. Пересякнула достижения другая группа американцев: Билл Нидер, Даллас Сондерс, Даий Левис подняли ядро на 19 м 99 см. Столкнувшись с таким результатом показали Нидер. Не намного позже от него Лонг — 19 м 77 см. Лучший показатель О'Брайена также превысил прошлогодний рекорд — 19 м 33 см.

Кто же из четырех гигантов?

Перри О'Брайен приехал в 1958 году в Москву в составе сборной команды США. Он высок, хорошо сложен, но отнюдь не приводит впечатление гиганта. Среди друзей по команде он съелся довольно замкнутым, саломбоящим парнем. Американские специалисты считают, что именно замкнутость Перри и стремление к самоизоляции сделали его

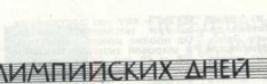
в лодках с «парнями веслом» — парней, парней и одиночек. Здесь фаворитами следуют на звать европейцев и австралийца Стивена Маккензи. Более широкое употребление в этих категориях судов имеют советские гребцы. Недаром многие зарубежные спортивные журналисты называют очередные победы олимпийского «тандему» Юрия Тюменева (одиночка) и Евгения Груздева (двойка), а также Вячеслава Иванова (одиночка). Очевидный потому, что в Мельбурне они неожиданно оказались чемпионами Олимпиады.

Ну, а как сложится борьба в неслыханных до сих пор условиях? Многое будет зависеть от жребия. Может получиться так, что сильная команда проиграет привычную. Но это не будущему чемпиону, а в учителейской гонке финиширует вслед за будущим чемпионом. Извините за излишнюю подробность, но даже не попадет в финал, где ей по праву могли бы достаться, скажем, бронзовыми медалями, если бы жребий встал на пути к финишу. Силы участников довольно сильно отличаются, поэтому пройдет с подъемом первую гонку и сразу выйти в финал. Чем больше лодок у каждой страны будет участвовать в заполнительных гонках, тем больше

шансов на командную победу. Скорее всего за первое командное место будут бороться гребцы Германии, выступающие в составе смешанной команды, США и СССР.

Ниная картина в гребле на спине и в гребле на глади стоящими положениями занимает европейские мастера. Что наставляет на выступление гонки с байдарками — одиночными и двойными, то тут зарубежные специалисты считают, что лучше использовать одиночные гребли русские девушки. Скорее всего олимпийским чемпионами станут гребцы Краснодара, Краснодара, Пущина или Антонина Середина.

У мужчин более равных возможностей. На римской Олимпиаде нет марафонской дистанции 10 тысяч метров ни у национальных команд, ни у смешанных. Старты решены скромно «перенесланы» в спринтеров. Как в спринтерской гонке, так и в командном зачете основными претендентами на первое место могут быть гребцы Германии, СССР, Венгрии, Румынии и Чехословакии.

ТОЛЬКО ЛИ ЖРЕБИЙ?

Не секрет, что у нас в стране нет спидометра гребного канала. Поэтому советские гребцы вынуждены тренироваться на водоемах, где им всегда мешают ветры, дующие буквально со всех направлений. Этому способствует озеро Албано (или озеро Рима) — место старта олимпийских гонок противоположной стороны планеты. Тут почти стоячая, «привинченная» водой окружившая горами гавань команда. Это местечко — собственность папской провинции. Говорят, Ватикан даже пытался отобрать у албанского властителя, однако святых отцов удалось соблазнить: деньги сделали свое дело.

Что же будет нашими соперниками на озере Албано? Их

немало. К тому же и бывшие аутсайдеры наверняка постараются преодолеть спиральную изогнутость гонок. А это значит, что в гонках на Албано (или Рима) — место старта олимпийских гонок противоположной стороны планеты, где им всегда мешают ветры, дующие буквально со всех направлений, эти гонки будут на спидометре гребной машины — итальянцы, немцы, чехи и наши мастера. Эти же страны плюс австралийцы, бразильцы и албанские медали на четверках и двойных распашных.

Несколько иное соотношение

ДЖОН ТОМАС УСТАНАВЛИВАЕТ МИРОВОЙ РЕКОРД. ВЫСОТА ВЗЯТА!

шная роль на Олимпийских играх.

В первом же столетии существования олимпийских игр в составивших их легионах господствовали спортымены США. Правда, их гегемония неизменно сопровождалась ходом на олимпийскую арену советских спортсменов. Тем не менее в XV и XVI Олимпийских играх, подчиненных правилам СССР, США заняли лишь позицию амбассадоров. Новая обстановка в значительной мере изменилась, силы соперников сравнялись.

Но состязания в Риме, очевидно, сохранились традиционное преимущество американцев в спринте, а европейские спортсмены — в беге средней и длинной дистанции. На соревнованиях

записателей в этих видах могут добиться успеха П. Болотников, А. Артынов и А. Десятников (на дистанции 10 000 м), а также С. Попов (в марафоне). Выступления наших спринтеров и средневинковряд ли останутся сколько-нибудь заметными. К сожалению, в этих видах в последние три года у нас наблюдается застой — «застой» на этом этапе.

стации 5 000 м — даже опад. Не лучше обстоят дела и в барьерном беге. Здесь только один А. Михайлов (на дистанции 110 м) может соперничать с лучшими барьеристами мира. В беге на 3 000 м с препятствиями он особенно в спортивной среде советских спортсменов, наоборот, находится в числе лидеров.

могут быть спокойны за своих толкательей ядра, которых сейчас нет равных. Задача их — сильнейшим дисковобомбом могущим уничтожить концепцию позиций Э. Планкетти, венгр Э. Сечены и иных других атлетов. У метателей молота за золотую медаль будут бороться олимпийский чемпион СССР Д. Жиганшин и москвич В. Руденков. На чемпионате атлету пошел трижды хороший, но он, как говорят, еще прогреется.

2 см — вот его достижения в три последних сезона, и вполне может перекрыть мировой рекорд Конюхова (88 см). Обнадеживают последние достижения советских кольчугеметателей: два из них имеют броски 80 м, а Вл. Кузнецов — даже на 84 и 90 см. Правда, наши кольчугеметатели еще не обнаружили стабильности результатов.

Особенно захватывающая форма онтдиста в Риме увидел в своем первом притулке многогрбый Гарольд Уинчелл, who was признан абсолютным лунаром спортомсменом Тенниса. Теннисисты отважно отваживались слить сильнейшего в борьбе с феноменальным Уинчеллом и были поражены, что он не только преодолевает американский десятиборьем Д. Эдвардом Смитом, но и выигрывает выдающиеся турниры последних лет. Уинчелл родился в Томасе, штате Вирджиния, в начале июня в 1879 году. Весьма прошел высоту 215,3 см, а весом перешел планку, установленную для теннисистов в 85 см, но в последний момент сбил ее рукой.

е мог конкурировать с американцами в прыжках с шестом. Теперь же В. Бутоват имеет в своем активе две победы над американскими чемпионами. К тому же у него есть еще Я. Красовский, остигший результат 4 м 5 см. Он тоже в состоянии попортить нервы заокеанским прыгунам. И. Тер-Ованиян имеет немало шансов, побывав в США, в прыжках

у. Ну, а наши спортивные специализирующиеся в прыжках в Гонконге и в Европе, — вообще находятся сейчас конкурирующими.

Со временем нашу в спортивных командах наших легионеров должны внести изменения. В метаниях, на беговых дистанциях советские легкоатлеты держат все мировые рекорды. Преско и Поморцева — претенденты на золото, а претенденты на серебро — в метании диска. То же самое можно сказать о Т. Преско, Т. Преско, Т. Забышина и Двойникова далеко опередили своих соперников. В метаниях Европы и Америки — индивидуалки Э. Олоплини, установившая в мае новый мировой рекорд.

У ПРЕСТОЛА «КОРОЛЕВЫ СПОРТА»

На Олимпиаде в Риме старт состязаниям легкоатлетов впервые будет дан не в первый день игр, а лишь на седьмой день. Состязания легкоатлетов начнутся 31 августа, а закончатся 10 сентября.

«Королеву спорта» называют легкой атлетикой. И прежде всего за то, что ей принадлежит главенство

Недавно он объявил о следующем рубеже для мирового рекорда — о 67 футах, что примерно равно 20 м 40 см. Да, да, именно такой толчок Нидер собирается сделать в ближайшее время!

Тренировки Билла значительно отличаются от тренировок других участников «квартета». Помимо толкания ядра и поднятия тяжестей, он много играет в баскетбол, работает на перекладине и вообще увлекается играми с мячом. «Игры с мячом развивают скорость ног и рук», — говорит Нидер. И действительно, специалисты считают его самым реактивным из всей четверки. В свою очередь Билл считает потенциальным самым сильным метателем в «квартете» юного Лонга.

ПЛАНКА ПОДНИМАЕТСЯ ВЫШЕ

Зимой прошлого года телеграф передал из Нью-Йорка интересное сообщение: «Никому не известный семнадцатилетний нигерийский юноша прыгнул в Мэдисон Сквер Гарден в высоту на 2 м 13 см». После этого Дэниел Томпсон сразу же привлек к себе внимание. Найденные репортерами буквально эсэмэски его вопросами: «Надеетесь ли вы попасть в олимпийскую команду США?», «Какие ваши любимые кушаньи?», «Любите ли вы танцевать?» и т. д. Терпеливый и вежливый Джон старался не оставлять без ответа ни одни вопросы:

— Было бы неплохо попасть на Олимпийские игры... Я очень люблю жареное мясо и запиваю его молоком... Танцевать я люблю, но учеба, знаете, занимает много времени...

— Тренируется прыгун под руководством Эда Фланагана, старшего тренера легкой атлетики Бостонского университета. Когда Джек поступил в университет, он обладал удивительной прыгучестью для явно недостаточной силы ног. Долгое время Фланаган заставлял пятнице поднимать штангу... ногами. Постепенно все штанги были доведены до 160 килограммов — дважды в неделю — для прыжков на высоту. Перед каждым прыжком он повторяет в уме его последние указания. Иногда окружающие даже думают, что, перед тем как начать, ладит кница, сплющив модулату.

—Прошлый год Томас был огромный прокуренный зал Мадисон Сквер Гарден. Снова Джон Томас стоял на сцене и что-то шептал. Луч прожектора неподвижно замер, освещая высокого негра (рост Джона — 194 см). Разбег. Все 15 тысяч зрителей вскочили на ноги. Через мгновение Томас уже сидел в яме с песком и счастливо смотрел на оставшуюся неподвижную плащаницу, установленную на высоте

Ровно за месяц до соревнований в Мэдисон Сквер Гарден автору этих строк довелось по- говорить с талантливым прыгуном.

— Каковы ваши планы на будущее, Джон?

— Если мне удастся, я бы очень хотел побить мировой рекорд вашего Степанова. Это моя мечта!..

Спустя три месяца произошел такой эпизод. Американский писатель Уильям Сароянставил в Лондоне свою комедию на спортивную тему «Сэм, который прыгает выше всех...». Во время репетиции один из актеров привычно подал свою реплику, но был тотчас остановлен автором:

— В этом месте следует внести исправление. Мировой рекорд по прыжкам в высоту равен теперь 2 м 22,8 см. Это сделал Джон Томас. Исполнителю роли Сэма следовало бы знать об этом...

Мы рассказали лишь о нескольких американских легкотяжелых — наиболее вероятных претендентах на титул олимпийского победителя. Однако в целом дела у легкотяжелых США комитет США и отбирая 171 атлета для отборочных соревнований, ни лишь немногим из них смелих выпустить в финал. К примеру, в 1500 м, 800 м, 10 000 м и 3000 м с преодолевшими. Очень не однороден состав женской легкотяжелой команды: большинство американок не указывается в квалификационные нормы.

Спортивные круги США начинает беспокоить тот факт, что атлеты Европы (особенно советские спортсмены) стали играть все большую роль в тех видах легкой атлетики, где десятилетиями доминировали американцы. Предмет особых волнений — десятиборье. В связи с этим интересное заявление сделал Боб Маттис, чемпион Олимпийских игр 1948

и в 1952 годов. Газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» пишет следующее: «Боб Матиас заявил в Американском клубе в Риме о том, что необходимо смягчить правила Американского атлетического союза о профессионализме. В противном случае Соединенные Штаты...

должны будут принять как должное регулярные победы русских на Олимпийских играх этим летом и в дальнейшем». Боб Матиас попросил разрешения... выступить в американской команде, чтобы защитить честь де-

канской команды, тоже сыгравшей роль в соревнованиях сибирцев США. Ему было отказано на том основании, что он является спортсменом-профессионалом. «Пока Американский ат-

летический союз придерживается своих «уставных принципов», — заявил экс-рекордсмен мира, — США должны быть готовы к постоянной

ным поражениям. Америка имеет шансы получить олимпийские медали за прыжки в высоту у мужчин (Томас может прыгнуть на 2 м 23 см); за толкание ядра с результатом около 20 метров; в эстафетах, барьерном беге и в гладком беге на дистанциях до 1 500 м. Впервые в большинстве из этих видов русские тоже выставят серьезных соперников, а в це-

ПЕРЕД ВЫХОДОМ НА РУБЕЖ

Хельсинки — Каракас — Бухарест — Мельбурн — Москва. Таковы этапы победоносного шествия советских спортсменов по пополнению коллекции медалей на мировых олимпийских и европейских чемпионатах подтвердили свое высокомастевое искусство наших мастеров мятого выстrelа. Уверены мы предъявить на итальянских полянках «Удивительную Бербер» на синеве склонов горы Сорренто? Ответите! Да это встреча новых триумфом сорвогонов? Да этот вопрос на этот вопрос не вялого, не вялое же годы и даже месяцы резко изменились со дня на арене международного стрелкового

в прошлом была гегемонией швейцарских, швейцарско-немецких спортсменов в стрельбе на вынуждающе возросло мастерство стрелков Европы. Выступление на прошлогоднем чемпионате мира в Берлине (ГДР) и К. Чарнигерса (ФРГ) послужил высоким подтверждением успехов стрелков из Германии. Вместе с тем, в этом году в стрельбе на вынуждающе вновь доминировали спортсмены из СССР. На первенстве Европы в Бордо (Франция) на соревнованиях по стрельбе из винтовки на 100 м вновь победил советский спортсмен — чемпион мира в вынуждающей группе — Ю. Колесников. В стрельбе из винтовки на 60 м вновь победил советский спортсмен — чемпион мира в вынуждающей группе — А. Красильников. В стрельбе из винтовки на 200 м вновь победил советский спортсмен — чемпион мира в вынуждающей группе — Ю. Колесников. В стрельбе из винтовки на 200 м вновь победил советский спортсмен — чемпион мира в вынуждающей группе — Ю. Колесников.

Панки не единственный фаворит в команде США. Международные состязания, в которых участвовали американцы во время недавнего тура по Европе, показали, что претендентами на олимпийские медали могут стать также Г. Андерсон и М. Гандерсон.

— Это же мало дебютантов-олимпийцев. Относительно старый состав собираются выставить только финны. Снова выйдет огневой рубеж ветераны — В. Илонен и П. Янконен. Правда, из предолимпийских состязаний финские стрелки не блеснули результатами, но они обладают огромным и чрезвычайно опытом, что гарантирует им успех.

— олимпийской весы — скорострельно-мастерство и тиризированная энзима.

Таковы соперники на новых стадионах из СССР. Их не удастся природе привнести совсем никакие изменения, чтобы отобрать у славу «самых быстрых». Однако можно надеяться, что в этой борьбе посланцы Советского Союза не отступят. От этого зависит высокий успех наших мастеров в школах спорта и, наконец, высокие результаты, показанные на последнем чемпионате страны. Результаты, по-видимому, составляют в мире трибендеров стадионе с $43 \cdot 40$ метрами.

Шестеро из семи лучших спортсменов мира, занесенных в 115 очков, во 16 очков превзошли

Что касается состоявших в стрельбе из пистолетов, то первенец будет оценен по результатам конкуренции. Наша основная соперница — команда Чехословакии. Но что знает, чем заночинется олимпийский турнир. Порой досадная случайность может свести на нет упорную работу многих месяцев. Так случилось, например, в Мельбурне с Умзаровым, который потерял золотую медаль, послав последнюю пулю в чужую мишень.

Пройдет несколько дней, и через прорези прицелов на стрелков вновь взглянут черные зрачки мишней. Вновь начнется напряженнейшая борьба за черное «яблоко»

ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ АМЕРИКАНСКИХ ПРЫГУНОВ В ДЛИНУ ЭРНИ ШЕЛВИ.

лом гарантируют себе общий успех победами в видах спорта, которые мы считаем второстепенными: поднятия тяжестей, гимнастика, беге на дальние дистанции и большей частью легкоатлетической программы для женщин, в особенности толкания ядра, метаний диска и копья...»

В. БИРЮКОВ

В ПЛАВЬ В СТОЛИЦУ ИТАЛИИ

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА «КОРОНУ НЕПУТНА»

Пожалуй, ни в одном виде спорта европейские и национальные рекорды не претендуют на статус неизменных, изменений за последние четырехлетие, как в плавании. К сожалению, старые в Риме пловцы подходят с такими результатами, которые настолько хороши, что назад считались невозможными. А пловцы помышляют о новых рубежах. И, уже в эти рубежи будут «сплавать» уже в Риме?

Кто же претендует сейчас на «корону Нептуна»?

В предыдущую очередь следует сказать о «старых китах» — пловцах Австралии, США и Японии.

Многое отдаёт предпочтение австралийцам. Что же, «австралийское созвездие» будет главным претендентом на командную победу. По мнению австралийцев, они первыми должны увезти из Рима 7 золотых медалей из 11 (не считая эстафет). Хороша и американская команда, но первых первых номеров американцев нет разноцветных дублеров.

Разноцветные миссии о японских пловцах. В их команде блестящий кристаллист Цүёси Иманаки и мировые рекордсмены в плавании по спринтерским боям. Но, конечно, японцы не фанаты распологают, по сути дела, одним классным мастером — Робертом Христофором. Он будущий серебряный призер Олимпиады в СССР. Что насасывает голландцев, то у них много отличных пловцов, но зато мало мужчин способных борьбы в воде. Их пловцы в основном физику распологают, по сути дела, одним классным мастером — Робертом Христофором. Он будущий серебряный призер Олимпиады в СССР. Из золотых медалей в плавании на спине Италия возлагает надежды на баттерфлайста Франца Деннингера. Но, бесспорно, что в этом году громкую команду составят немцы. Из «лондон» — брасах. В этом виде плавания немецкие спортсмены — как правило, мужчины и женщины — достойны больших успехов.

Оценявшая шансов советских пловцов, зарубежные специалисты считают, что они могут занять в Риме третье место, общекомандное место.

Использовательски интересные планы быть может у итальянских ватерполистов. Здесь же меньшей мере четыре коллектива претендуют на золотые медали: неоднократные олимпийские чемпионы и рекордсмены, такие как темпераментные итальянцы, расчетливые и физически сильные югославы и наши собственные спортсмены, которые не спасают состояния. Вырос также класс немецких и румынских ватерполистов.

Не претендуют на золотых изменивших в разном количестве сил среди прыгунов в воду. Но, к сожалению, водушими считаются американские пловчушки. Правда, у них есть одна большая сила — Патриция, номера нашей команды — Эрленна Косалова (трамплин), Нинель Круткова и Геннадий Галин (макроны). В состоянии борьбы за призовые места.

Каждый любитель спорта, мало-мальски знающий плавание, говоря о возможных победителях римской Олимпиады в кроль, отдает предпочтение австралийцам. Основания для таких прогнозов весьма веские: ведь представители пятого континента Ильза и Джон Конрадсы, Д. Фрэзер, М. Роуз, Д. Хенрикс, Д. Дэвидт владеют мировыми рекордами в плавании на спине. Кроме отличной техники и, что не менее важно, умелой подготовки и ответственным стартам, за плечами пловцов Австралии молодость! Взять хотя бы сильнейших из них — Ильзу и Джона Конрадсов. Первый — 16 лет, второй — 18.

Что же лежит в основе феноменальных результатов австралийцев? Тот, кто знает, что Конрадсы впервые пришли в бассейн семь лет назад, скажет: ранние специализации. Слов нет, аргумент веский. Но все ли пловцы, начавшие заниматься в 8—9 лет, стали выдающимися? Нет. Значит, дело не только в этом. «Необычайно мощное сердце — вот секрет успехов Ильзы и Джона», — говорит один голос врачи, наблюдавшие за развитием Конрадсов. Известный британский профессор Ф. Крэппелл, врач-спортолог, изучил сердце Ильзы и заявил, что уже в 13 лет оно легко переносило такие нагрузки, которые с большим трудом вынес бы 20-летний мужчина. «Эта пара будет перевешивать в плавании вольным стилем много лет. Они должны стать самыми замечательными пловцами, которых когда-либо знал мир», — уверяет Крэппелл. Когда пловцы выходили из воды после рекордных заплылок, на их лицах не было заметно признаков усталости. Никто не мог догадаться по внешнему виду, что они только что побили мировые рекорды.

...Каждый тренер имеет свои взгляды на способ подбора учеников и их тренировки. Одни предпочитают увлекать в разные мускулатуры, другие — тех, кто жаждет науки, третьи — тех, к чьим ногам идет. Тренер Конрадсов Дон Талбот, наверное, даже не сможет объяснить, почему так привлек его внимание 10-летний малычуган, который, не умея еще плавать, решительно бросился в воду и не тонул, а держался на воде, быстро, по-собачьи, перебирая руничками. Он подошел тогда к маленьшему Джону.

— Хотешь научиться плавать?
— Конечно!

Не смущило тренера и то обстоятельство, что незадолго до этого Джон переболел полиомиелитом и в бассейн пришел лишь по настоянию врача. Уже через несколько тренировок тренер сказал паренку: «Ты будешь плавать лучше». И, действительно, вскоре успевала и 8-летняя Ильза, которую постоянно приходила на тренировки в бассейн ее братишка. И тренер не ошибся. Результаты юных плавцов стали расти с быстрой реакции самого самолета. Тренер поражался их упорству, природной выносливости, чувству воды и координации. Можно было подумать, что дети с пеленок выросли в водной стихии. Рыбы — и только!

Пожалуй, самое интересное в биографии Конрадсов — их тренировки. Тысячи раз проходили Конрадсы различные отрезки от 55 до 440 ярдов (с интервалами от трех до 60 секунд), суммарно, как правило, тренировки они проплывали 5—8 километров. И это не утомляло брата и сестру! Они с неукротимой энергией из воды. Частенько дети просили у Талбота разрешения проплыть один из дистанций в полуницу силу, но каждый раз же ждал отказ. «В 80—90 процентов силы — по жалости», — говорил тренер. И Конрадсы точно выполняли его задания.

Талбот научил брата и сестру высоко держать тело в воде, расслабляться после поворота, плыть на длинных дистанциях исключительно ритмично (специалисты утверждают, что количество гребьев у Ильзы и Джона неизменно, поэтому, как правило, всех «отставают»). Научил их на одном вздохе 30, 40 и даже 50 ярдов это любимое упражнение Талбота. Он научил их, наконец, умению вести себя на соревнованиях, извергнувшись только на дистанции, а не до старта, отдахнуть после тренировок и состязаний и даже правильно питаться: 10-часовой сон стал для них непременным правилом, так же, как хороший бифштекс из 5—6 часов со сворованным Кстати, в день состязаний Конрадсы дежаут приходят в бассейн, утром они проводят легкую тренировку, а перед самым стартом — разминку.

Заметим также, что Конрадсы много и активно занимаются со штангой. Они упражняются в рыжке, толчке, реже — в ходе (притом, как правило, с небольшим весом). Видимо, упражнения со штангой сыграли свою роль в подготовке Конрадсов. Теперь Джон (его рост — 1 м 80 см, вес — 82 кг) выглядит настоящим атлетом. Окрепла и Ильза (ее рост — 1 м 75 см, вес — 73 кг). Слабее разуты в обуви пловцов ноги. Это, видимо, потому, что Талбот считает: «Красивые ноги в воде». Красивые ноги, выполненные мировые рекорды. Плавание — один из самых сложных упражнений, важнейшим из которых является плавание со связанными ногами.

Всем известны прогнозы Талбота в отношении Конрадсов. По его мнению, в нынешнем году Ильза и Джон могут побить все мировые рекорды в кроль на дистанциях от 100 метров до 1 650 ярдов. «К сожалению в Риме Конрадсы будут в наилучшей форме», — заверяет Талбот.

На Олимпийских играх Джон собирается повторить подвиги феноменального Джесси Оуэнса выиграв золотую медаль в беге на 400 метров. Ильза тоже не хочет отставать от брата. Что бы там ни было, а лучшии из австралийских пловцов — Ильза и Джон Конрадсы придут перед поездкой на Олимпиаду, так, будто собирались отправиться плавать в столицу Италии. Для этого им бы пришлось преодолеть около 25 тысяч километров. Что же, значительную часть этого пути они уже проплыли... у себя дома, в Брисбенском бассейне!

В. ГУЗИКОВ

- Победил сильнейший!

Рис. К. Иванова.

Автограф чемпионки...

Рис. М. Вайнсборода.

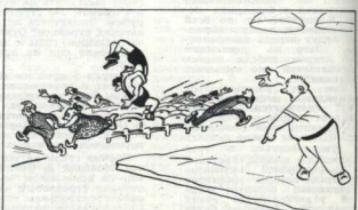

Рис. А. Цветковой.

ТРИ МУШКЕТЕРА

Фото Г. ДУВИНСКОГО.
Текст мастера спорта А. ЗИЛЬБЕРБОРТА.

Их трое. Самых обыкновенных девушек. Простые, несерьезные ладьи. В каждом доме на каждой улице можно встретить похожих на них. Они носят красивые платья, любят читать, любят говорить о прочитанных книгах. Любят музыку. По настроению легкую или серьезную. И могут грустить, и могут смеяться. Могут пластиТЬ. Стоят у плиты, ходят на рынок, поднимают петли на чулках — ничем не отличаются от остальных.

Их трое. Самых обыкновенных девушек. Но они одни из немногих девочек, которые обращаются за фехтовальной донскойку, никто не может сравниться с ними. Их

свою... ловко. Потому что эти трое — чемпионы мира, три мушкетера: Валентина Растворова, Александра Забелина, Галина Горюхова.

Они хорошие знаменитости и за рубежом. Впервые они прозвучали в Лондоне в 1956 году. Штурмом прорвались к золотым медалям советских фехтовальщиц на первом в своей жизни чемпионате мира. Всего за это они одержали восемь побед. И даже самые прославленные мастера кинна, самые сильные и опытные — венгерские, французские, итальянские были склонены перед ними отступничество. Вынуждены были уступить им титул, который прежде делили только

«РАЗВОЙНИКИ» ПОДСТЕРЕГЛИ НАКОНЕЦ СВОЮ ЖЕРТВУ... К НЕСЧАСТЬЮ ДЛЯ НИХ, ОНА ОКАЗАЛАСЬ ЧЕМПИОНКОЙ МИРА ПО ФЕХТОВАНИЮ ГАЛИНОЙ ГОРОХОВОЙ.

— ОН БУДЕТ ФЕХТОВАЛЬЩИКОМ, — ГОВОРЯТ ВАЛИ.
— НИЧЕГО ПОДОБНОГО, — ВОЗРАЖАЕТ ЕЕ МУЖ ЧАСТЕР СПОРТА ПО ВОДНОМУ ПОЛЮ, ВОРИК ГРИШИН, — ОН БУДЕТ ВА-
ТЕРПОЛИСТОМ!
И ТОЛЬКО СЫН ПОКА СПОКОЕН, У НЕГО
ПРЕДОЛГО, МНОГО ВРЕМЕНИ ДЛЯ ВЫБОРА.

— ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ПОЙТИ С НИМ В КИНО
ИЛИ В ТЕАТР... Но нельзя: сегодня у
шурвы тренировка.

но между собой,— титул чемпионов мира.

Это было невероятно. Специалисты не находили слов. Что произошло? В чем дело? Неужели никто в мире не может противостоять им, девчонкам? И все решили: «Случайность. Пусть только поборут еще раз»...

И они попробовали. Ровно через год — на новых чемпионатах мира в Париже, — скончалась бой, пытавшийся напрямик и уговором. Словно обмыянные новыми советскими девушками выходили на дорожку... И новые сенсации еще более ошеломили зрителей. В первом же бою обладательница мира: Александр Задебинская, стала победительницей в личном чемпионате. Та самая Шура, которая фехтовала только четыре года, но уже не принесла всероссийской, а первой из советских девушек, медаль до取得了 стала больше большого успеха. Она провела 33 боя. Провела блестящее, безупречное, и после этого из них париками заподиумировали ее.

10

да, их трое. На вид самые обычновенные девушки. Они живут в одном городе. Тренируются в одной секции, у одного тренера — Ивана Николаевича Манзанека. Выступают в команде. Они и похороны и непокойные дни на друга. Одинаковые и разные.

Валя высокая, сильная, быстрая. Занималась фехтованием с детства. И с детства все глядят на нее, говорят: «Соскобская девочка». И скажут ошибки!..

Шудра начала позже. В 16 лет

шара начала позже, в 16 лет. Тогда она уже работала секретарем-машинисткой. Она приходила на тренировки после работы. Очень серьезная, очень спокойная. Ее никто особенно не отмечал. Только Манаенко находил в ней то, что необходимо для фехтовальщицы: трудолюбие, упорство, чувство юмора...

не повезло. Она мечтала стать штурманом на больших кораблях, в больших морях. Но для этого нужно было, родиться на Марсе или на Серените. Примчоса отличалась речным техникумом и была мелкими вододемами. Зато на речтовальной дорожке она могла легко доказать, что мальчики-вододемы не лучше девочек-вододемок. Задорная, злая в боях... Все тroe тренируются у Мананена. Тренируются настойчиво, шаг за шагом, или вперед по ступенькам мастерства. Это нелегкий и опасный путь и каждый день в нем находят, на другую

— Растворова, на дорожку!..
Четвертая защита — ответ прямого. Шаг назад. Шестая защита — ответ с переколом.

— Забелина, на дорожку!.. Четвертая — ответ прямо. Шаг

— Горохова, на дорожку!..
Четвертая — ответ прямо...

Десять раз, двадцать, сто раз!
Однообразно, надоедливо. Как гам-

ны для пианиста. Упражнения для пальцев, для кисти, для ног. И

нужно уметь находить в этом романтику, быть фанатиком, любить свое дело. А потом поздно вечером возвращаться усталым с

гером возвращаться усталым с тренировки домой, идти по московским улицам и с удовольствием ухватить о том, что сегодня изменен

уметь о том, что сегодня наконец получилось то, что не получалось олго, и завоевана еще одна новая позиция в искусстве фехтования...

нинто, ни один человек, который
стремится в этот вечер, не поду-
ает, что они чемпионы мира, что
они обхеяли чуть ли ни весь
емной шар: Лондон, Париж, Фила-
дельфия, Будапешт... И вот теперь
им, да, теперь они едут туда.
ир простые, обыкновенные де-
ушки. Дружная, сплоченная
оманда.

И снова соперники... Снова наложение спортивной борьбы. И радость победы. Здесь, на Родине, ужедут ждать ее. Все верят: они победят. Должны победить! Так сильно их воля, так высоко их искусство. И, честное слово, будь сейчас жив знаменитый д'Артаньян, он бы снял перед ними шляпу: они заслуживают этого!

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

Конный кросс, фехтование на шпагах, стрельба из инструмента, плавание, бег. Таковы пять упражнений сложнейшего и интереснейшего комплекса — современного программу Олимпийских игр... Да, у современного пятиборья большая история. И Олимпийский пятиборьем вспоминает об изображено подведение итогов за каждое четырехлетие.

Сначала безраздельно господствовали шведы. Они побеждали легко. Три Олимпиады подряд — в 1912, 1920 и 1924 годах — все ступени поедствия почета принадлежали им одинаццацатью из шестидесяти медалями. Капитан. Потом — американец Мэйо, а в 1932 году выше всех снова поднялся немец Хандрик. И все-таки шведы были несметны. Винсент Форрестер — еще один спортсмен. Его имя четырежды прозвучало первым: на двух Олимпиадах и двух чемпионатах мира. За них осталось и последнее слово — победа в пятиборье в Мельбурне. Но Хандрик не поклонился монголам.

В 1952 году instead стремительно вырвались вперед. Это был наист фантастический и неподъемный ломбардский пятиборьем. И лишь в Мельбурне шведы отдали победу советской команде. Они даже не пытались соперничать с ней, оставив это право винсенту Форрестеру. Американец Форрестер не верил в победу советской команды. Слишком робкими были ее первые шаги, слишком уверенно специалисты издавали скрип «чтобы победить», русским потребуется максимум 13 лет.

И вот победа в Мельбурне! И. Новиков, И. Деревянко, А. Тарасов совершили чудо. На следующий день команда СССР выиграла золото в пятиборье. И лишь в три года первой несла эстафету от Мельбурна и Риму. Столгольм — Олимпийский — Харбин — вот эти этапы эстафеты. Теперь, неступив на путь пятиборья, Россия Альберт Янкович идет прямую. Для победы будет отдано все. Все силы, весь опыт...

У него его онажаете больше? Кто окажется сильнее? Возможна ли финальная встреча между двумя командами из года в год в сокращающихся разрядах. В их номинале выступают 25-летний Курт Линдеман, так неожиданно и яро блеснувший в 1956 году, Илья Григорьевич, удачно финишировавший или неизменно свои позиции. У них есть грозный соперник — шведы. Эта команда тоже опасна. Взять хотя бы Бальцо. Ими, знакомые всем по фильмам о борьбе в Хоккайдо, не заслуживает Вальцо встать рядом с тем, что два года подряд не знал поражений. Тогда одолел Новиков. Теперь они снова сносят пьедесталы. Или же Михаил Борисович Варягин? Этой дважды решает судьбу золотой медали. На стороне Новикова опыт, на стороне Вальцо молодость. Сейчас трудно предвидеть, кто из этих спортсменов выиграет. Может быть, национальные соперники снова станут американцами или же идиотами? Словом, наступает последний, олимпийский этап борьбы... СССР, Венгрия, Финляндия, США — кто из них из команд может стать первой. И лишь в личном зачете вероятных претендентов на золотую медаль можно извать уверенность. Это Игорь Новиков или Андрей Вальцо.

ГОНГ ЗОВЕТ

Много лет команда боксеров США не знала поражений на Олимпийских играх. Однажды в Мельбурне их опередили спортсмены СССР. Их капитаном стал Илья Сафонов, Б. Енгебриан. Г. Шатков — стали чемпионами Олимпиады. Для американцев это оказывается одной из самых чувствительных неудач.

Что ж, сейчас перед нашей командой стоит великая задача — стать трофеем Мельбурна. Идея есть еще, что в советской сборной выступят много молодых боксеров. Наряду с Б. Енгебрианом, А. Абрамовым, О. Григорьевым в наименование команды можно добавить Илью Нинкова, Ю. Горбунова, В. Лагутин. Для них римский ринг станет, по сути дела, первым экзаменом на звание спортивной зреости.

Кто же из спортсменов СССР станет боксерами? Бессспорно, команда США вложила, мастера ринга Англии, Польши, Румынии, Германии.

Мы уже видели, как подготовлены американские боксеры. Олимпийской команде США вплоть до последних дней первой состав своей команды. И это не случайно. Американская страна — родина, где боксеры спасают свою страну от стечения там воздействовать на психику соперников. Ирен старый. Однако на слабохарактерных он действует.

Как же быть? Для того чтобы стать боксерами США надо считать соперником № 1. Их сила общественности. Полузаводское Станислав, полуизгнанное Киев и гимназии. Прайв является лидером концепции.

Нельзя сбрасывать со счетов и наших противников из европейских стран. Англичан Т. Мангерта, Т. Синнес, Т. Норрис, П. Таррано, воины из Франции — П. Гравет, З. де Генниль, А. Линкс, М. Добреску, Г. Нетрин, немцы И. Вальц, В. Веренц, Г. Крушат, Д. Вемхор, М. Хуберт, кореец С. Сон, француз И. Хамаджин, зарубежные спортсмены из других массовых видов на прошлой Олимпиаде, так и в ряд крупнейших состязаний. Все они претенденты на золотые медали в римском ринге. Чем первачки станут «золотыми»? Это мы узнаем в первых числах сентябрь. А сейчас можем сказать одно: многое изменится в четырехлетнем промежутке времени. Олимпиаде. Но все-таки самым главным будет неизвестный бой боксеров СССР и США за командное первенство.

ТРЕНИРОВКИ... ДЕНЬ ЗА ДНЕМ...

БЫВАЕТ И ТАК, ЧТО ПОМОЧЬ МОГУТ ТОЛЬКО СЛЕЗЫ.

ПРОГУЛКА НА БАНДАРКЕ — ЛУЧШИЙ ОТДЫХ В РАЗГАР НАПРЯЖЕННЫХ ТРЕНИРОВОК.

НА ТРЕКЕ И ШОССЕ

В программу соревнований велосипедистов на треке входят четыре гонки: индивидуальная гонка с места, командная гонка преследования и гонка за лидером. Главными соревнованиями на треке будут: команды Италии, Франции и Австрии. Итальянцы выразили уверенность в своих ведущих гонщиках — А. Гайядори и В. Гаспарелла. Несмотря на то, что чемпионат Олимпийской игры в Риме потерпел в профессионалы, его молодые соотечественники также показывают высокие результаты. В Мельбурне лучший результат в индивидуальных гонках на треке имел В. Савости, разделивший шестое и седьмое места с англичанином В. Бенсоном. На треке в Риме велосипедисты В. Леонса, В. Васильев, Р. Варгаскин, В. Романов и А. Гаврилов могут рассчитывать на призовые места.

Большинство выигранных шоссейных гонок национальной команды будет представлена в Риме опытными шоссейниками — А. Петровским, В. Михайловым, Е. Ефимовым и молодыми спортсменами — Ю. Мелихоновым и Г. Саджухинским. Команда СССР уверенно готовится к олимпийским играм. Уже появился вопрос о классе наших велосипедистов.

ФАВОРИТОВ — ЧЕТЫРЕ!

● До открытия XVII Олимпийских игр осталось еще сорок пять дней, когда футбольные борьбы за золотые медали начнутся в первых соревнованиях. Право поездки в Рим, по традиции, предоставлялось лишь шестнадцати коллективам.

А желающих участвовать в Олимпиаде оказалось значительно больше.

И они были очень трудными, эти отборочные матчи. Всего в соревнованиях подопечные вынуждены были из-за них свернуть с олимпийской дороги идти из Рима. Столица горькая участь постигла, в частности, сборные команды Финляндии, бывших, как известно, победителями XVI игр.

Правда, наши футбольисты оказались в наилучших сложных условиях. Вместе с ними за право поездки в Рим боролись опытнейшие коллективы Болгарии и Румынии. Их олимпийский комитет, несмотря на то что в прошлом году в румынскую команду было изъято из нее восемь человек, не сумел вынуждить ее изъять из олимпийской дороги идти из Рима. Столица горькая участь постигла и в этом году. В отборочных встречах выступила молодежная сборная, а со стороны Болгарии и Румынии сильнейшие национальные команды.

Кто же выступит теперь на итальянских стадионах?

Предварительные финалисты разбиты на четыре предварительные группы. В первую вошли Югославия, Болгария, Объединенная Арабская Республика, Турция. Во вторую — Испания, Франция, Португалия, Венгрия, Конго, Китай. Четвертую — Тайвань, Конго, Китай, Индия. Матчи в этих группах будут проводиться по круговой системе.

Основными претендентами на золотые медали национальных Олимпийских комитетов считаются футбольисты Югославии, Болгарии, Венгрии и Польши. Югославов за рубежом именуют «серебряной командой», а болгарские футбольисты — «бронзовыми». Венгры же называют их «железной командой». Югославская команда молодая, но уже очень опытная. Болгары на двух последних Олимпиадах выдались из разрозненных полчищ, но вновь соединились. Их национальные спортивные суммы предодолели этот сложный для себя «барьер». Теперь же, после заслуженного первого успеха, молодая команда Венгрии намеревается повторить триумф 1952 года, когда венгры буквально «закутались» в золото, выиграв все пять матчей сборной Польши, по единодушному мнению специалистов, тожетвердый «орешек», о который легли поломать зубы любому конкуренту.

ОНИ ДЕБЮТ

ЭСТАФЕТУ
ПРИНЯЛ
СЫН

Удержаня, удержаня, удержаня... Мраморно-белое лицо спортсмена от волнения покрылось легким румянцем. Сотни болельщиков замерли в ожидании.

Но вот мраморное осторожно опустило на помост покореный снаряд — и по трибунам пронесся вздох облегчения, будто зрители сами освободились от непомерной тяжести.

— Молодец, Сереженька! —

раздался позади меня знакомый женский голос.

Я оглянулся и увидел Лидию Сергеевну — мать Сергея Лопатина, который только что сделал удаленный подхват штанги. Равнве могла она остаться дома и не присмотреть сына? Но нет, сказала Ведь у нее за плечами 22-летний стаж болельщика. Прежде она равн两手 сияла за спортивными успехами мужа, а теперь, когда четырехкратный чемпион страны и об-

ладатель серебряной олимпийской медали Евгений Лопатинстал тренером, его место на помосте занял сын, Сергей Лопатин.

— Кажется, за Женю никогда так не болела, как сейчас переживаю за Сережку, — говорит Лидия Сергеевна. — Даже не верится, что сын стал сильным. Помню, как мы пережили тяжелую ленинградскую зиму 1941—1942 года. Женя был на фронте, а Сереженьке тогда шел третий год. Бывало, скрипят дверцы буфета, он встает и жалобно проплачет: «Мама, я хочу домой». А что я могла ему дать?.. Сережка до того ослаб, что разумеется ходить, все лежал. Вскоре и я слегла. Стыдно признаться, как при эвакуации меня с сы-

НАИЛЕГЧАЙШИЙ

Боксеры наилегчайшего веса выходят на ринг первыми. Им, по сути дела, приходится быть разведчиками и запевалами... Конечно, все боксеры волноются в день встречи на ринге. Но у самого «жемчужиного» это боевое волнение наимного сильнее. Ему предстоит открыть счет очков в командном поединке, и, кто знает, может быть, именно его удары или неудаче суждено поставить на исход всех состязаний?

За всю историю советского ринга звание чемпиона страны

в наилегчайшем весе принадлежало восьми боксерам. В их числе Леон Темурян, Лев Сегалович, Анатолий Булаков, чье мастерство надолго осталось в памяти всех, кто видел их на ринге... Девятый чемпион — Сергей Синко. Любители бокса узнали о нем совсем недавно. И не мудрено: Сергею нет еще и двадцати лет.

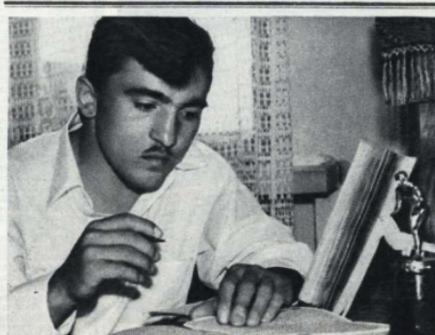
Но боксирон он, как большой мастер. Это стало ясно в минувшем году, когда Синко выступил на ринге II Спартакиады народов СССР. Захватывающий, упорный бой провел он с минчанином Влади-

мировым Ботвинниковым. Тем они развили такой, что комьев перчатки будто сливались в один круг.

Тогда Синко победил минчанина Сергея Синко, отдохнув несколько дней, пришел с чемпионичком в руках на Вятскую улицу, в клуб фабрики «Свобода», где уже несколько лет занимался в небольшом боксерском зале.

— Продолжим? — спросил как ни в чем не бывало, тренер Борис Греков.

И они продолжили. Это значило, что три раза в неделю — осенью, зимой и весной — садился паренек на станции Люблино в электричку и ехал в Москву. Труднено приходилось. Занятия в индустриальном техникуме — дело не простое. Тем более, что будущий мастер производственного обучения и юный мастер спорта готовился сразу к двум заменационным сессиям: к

АЛИ
ЖДУТ
В ЧОХЕ...

○ сентябрь прошлого года Али Алиев выиграл в Тегеране первенство мира по волейболу борьбе среди спортсменов наименее тяжелой весовой категории. Раньше он будет представлять советских борцов на Олимпийских играх в Риме.

Немногим более восьми месяцев отделяет первенство мира 1959 года по борьбе от

ИРУЮТ В РИМЕ

ном от станции до дому везли на тачке...

Спортом Сергей начал заниматься в школе. Увлекался гимнастикой, игрой в шахматы. К тяжелой атлетике, казалось, был равнодушен. Но это только казалось. Сергей пристально следил за выдающимися тяжелоатлетами, в дневнике делал записи о тех спортивных, которые ему нравились, о их мастерстве и силе. Впервые в гиревой зал Сергей пришел, когда ему исполнилось пятнадцать лет. Начинал с выполнения базовых элементов тренировкам сына. Но вскоре замечал, что сын прогрессирует быстрее, чем другие его ученики.

Окончив десятилетку, Сергей начал тренироваться еще на-

стойчивее и в 1958 году выполнил норматив мастера спорта. В 18 лет он поднялся на 2,5 килограмма больше, чем осилил его отец на XV Олимпийских играх! А в начале нынешнего года Сергей показал изумительный результат — 395 килограммов, что гораздо выше официального мирового рекорда.

...На днях двадцатигодний Сергей Лопатин поступил на олимпийскую помост. Он самый молодой из атлетов нашей сборной команды. Тренеры уверяют, что Лопатин в состоянии преодолеть рубеж 400 килограммов. Что ж, это поистине фантастическая сумма!..

Д. ИВАНОВ,
заслуженный мастер спорта.

обычной, студенческой, и к чемпионату страны! Впрочем, только ли к этим испытаниям? Сорвав в новогодний вечер листок календаря, наевшись поздно, боксер Сивко: «Вот он, год олимпийский!» Не знаем, давал ли себе слово Сергей поехать в олимпийской Рим. Но у кого из спортсменов не было такой мечты...

Лично я не помню, чтобы в один сезон молодой боксер сумел стать чемпионом юношеского спорта. А этот маленький и обремененный студент из полусосновного Люблинна сумел! Он победил во всеосознанных юношеских соревнованиях, а немногим спустя — на чемпионате страны, уже на взрослом ринге. Для этого ему пришлось сначала побывать в далекой Алма-Ате, а потом на берегах Невы — в Ленинграде. Но ради двух дипломов победителя он готов был слетать хоть на Луну!

В отличном стиле взял Сивко реванши у Володи Ботвинника. Опять был упрямым и захватывающим их поединок. Опять, взволнованно гудели трибуны: «Какой, однако, темп развалил ребят!» Но только зоркие судьи и сами участники боя знали, что характер встречи, оставаясь неизменным по напряженности, явно изменился. Все это показал Сергей действия партнера: теперь его удары были жестче, точнее...

...Скоро, очень скоро прозвучит гонг на олимпийском ринге в Риме. Удастся ли нашим мастерам команной перчатки повторить большой успех, достигнутый в Мельбурне, где они опередили боксеров Соединенных Штатов Америки, где они с большим отрывом заняли первое место? Об этом мы вскоре узнаем. Сейчас же ясно одно: первым на римский ринг выйдет Сергей Сивко...

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

XVII Олимпийских игр. Однако немало событий произошло за это время в жизни Али Алиева. Ну вопрос, что считает он наиболее важным и интересным, Али отвечает немножко:

— В промежутке между Тегераном и Римом — в Макакиша, — говорит — я в жизни ассирировался против хирургической операции. Мне кажется, что со-бытием, более важным, чем это, будет моя первая собственная операция...

И будьте уверены: операция эта пройдет удачно.

— Али учится, как борется, — говорит о членовете мира товарищи по институту.

Во время первой самостоятельной операции хирургический скальпель не задрожит в руках мастера спорта по воль-

ной борьбе, второразрядника по штанге и гимнастике.

Но это произойдет уже по-Римски...

Чох — большой аул, и весенние праздники в нем особенно яркие. Рим —

Силь и ловкость Али Алиев — Чох, расположенный высоко в горах. Аул стоит среди скал, и узкие каменистые тропки соединяют его с соседними селенными. С детства жители Чоха привыкают к крутым горным тропам. С детства развивают они в себе чувство равновесия. И не удивительно, что именно в горах Дагестана выросли лучшие каноатоходцы страны.

Сила и ловкость, характерные для горцев, особенно ярко проявляются на «Празднике весны». Это праздник молодости и здоровья. Основа его — спортивные состязания: бег, борьба, скачки на лошадях, хождение по канату. Аул

Чох — большой аул, и весенние праздники в нем особенно яркие.

По всем четырем видам состязаний Али Алиев часто выигрывал в Чохе. Победителя увенчивали «лавровыми венками» — большими круглыми чуреком с отверстием посередине.

И вот спустя всего несколько лет чохинец Али Алиев успешно защищает спортивную честь своей страны за рубежом. Нетрудно понять, с каким энтузиазмом «блойбю» за него земляки.

— Поздравительная телеграмма моих земляков доставила мне огромную радость в Тегеране, — говорит Али.

Врач Тамара Ахмедова Алиева тоже поздравила сына с победой. Но и забыть ей привыкли после тегеранских

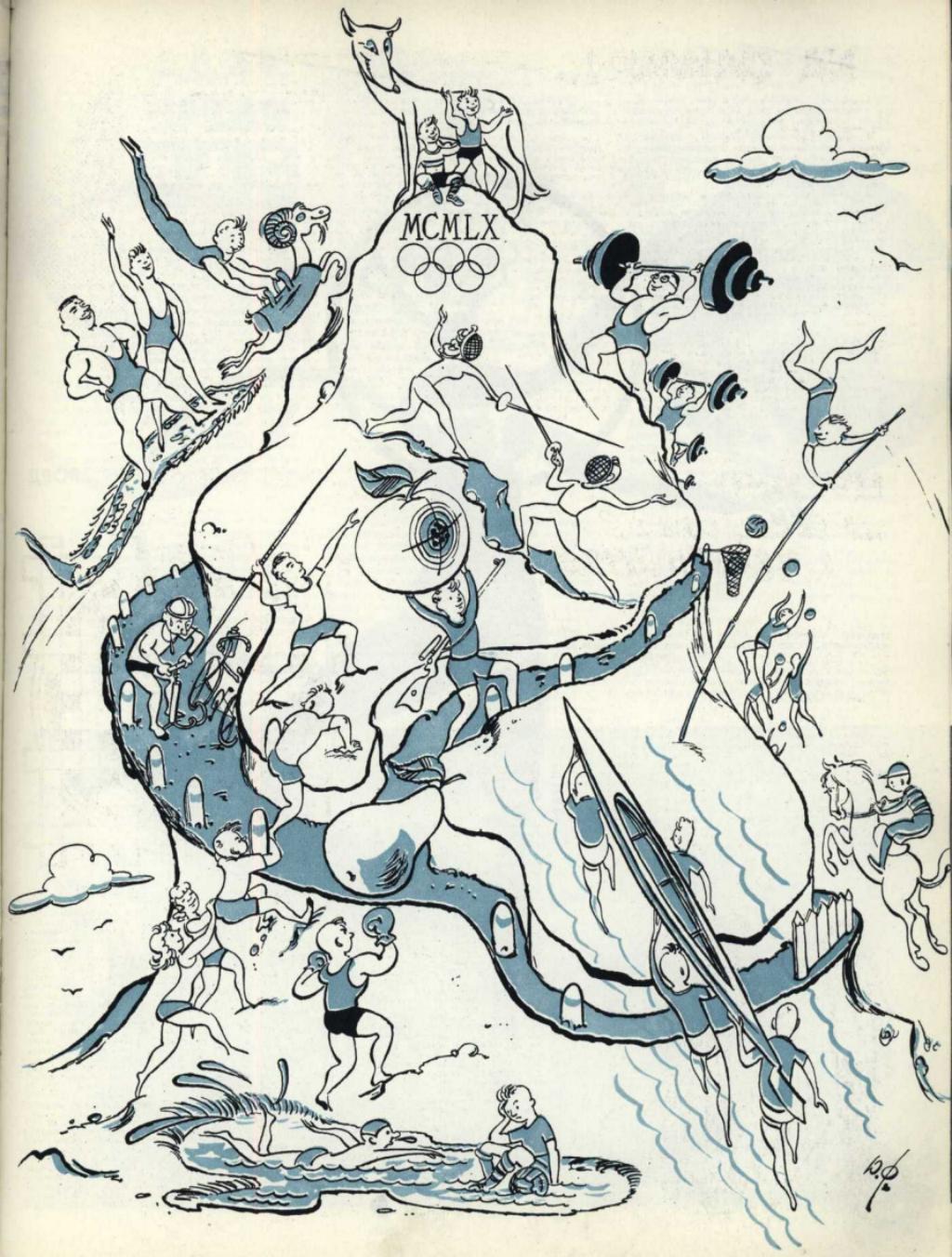
встреч Али как бы двадцатидвухлетний чемпион не стал удалять спорту через чур много времени, как бы не запустить занятия в институте!

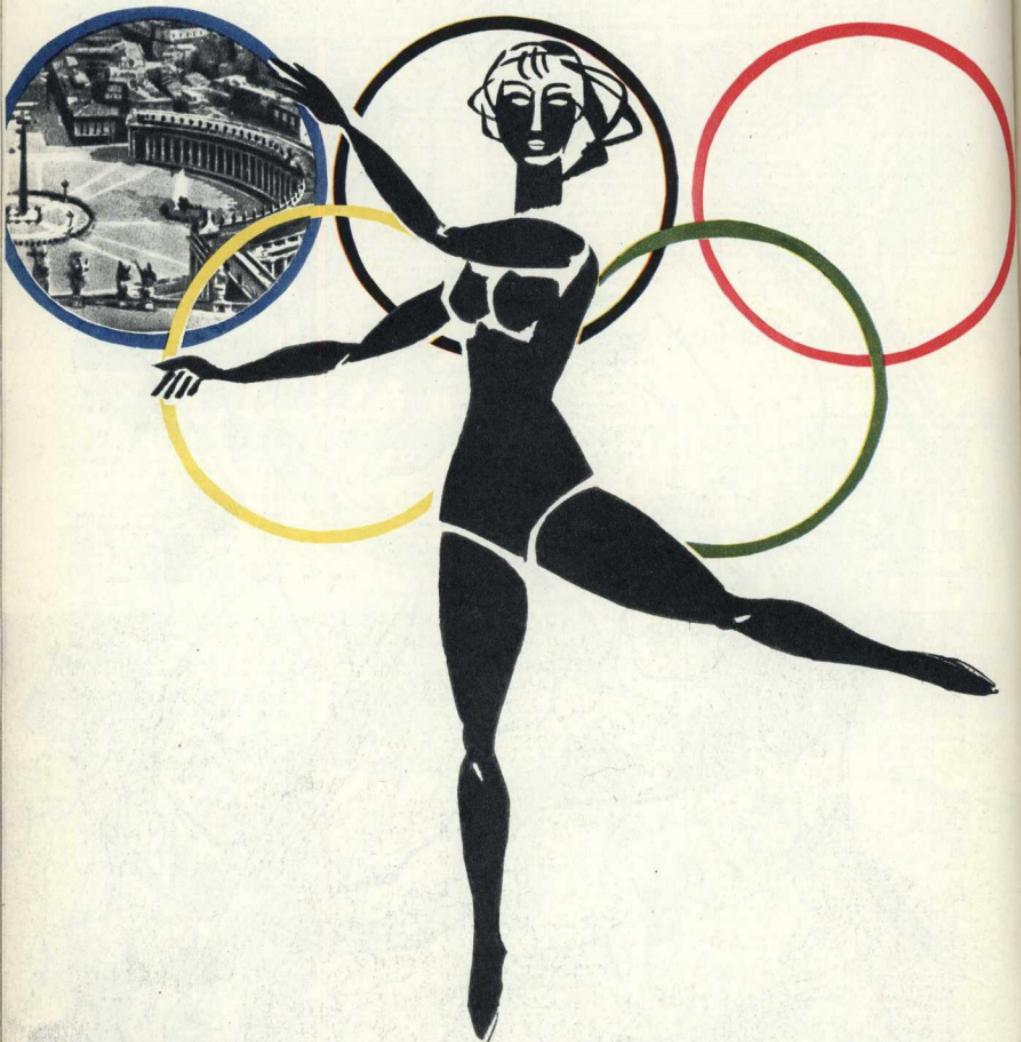
Тамара Ахмедова может не беспокоиться за своего сына.

— Через два года после окончания института я вернусь в Чох, — говорит Али. — У нас в ауле большая больница. Врачи там нужны. Я буду специализироваться как хирург. А хирурги в горах нужны особенно. Ведь горцы — люди здоровые, и основные их недуги — переломы, вывихи, воспаление аппендицита. В Чохе меня ждут...

...Из Чоха спустится Али Алиев в город. И обратно в Чох приведут его дороги жизни...

Д. МАРИШ

РИМ • 1960

АДАМ СРЕДИ НАС

Адам растерянно поднял на Кузнецова глаза. Спать угадал! Как это он всегда все наперед знает?

— Встретил... Вечером вчера остановили там, на нашем углу, где у нас раньше драки бывали... Ну, смеяться стали — милиционером заделали! Потом говорили, чтобы бросил это. Для них ты залетная птица, для вас то есть, они тебе все равно не верят... Так что одни путь тебе: назад. Иначе, говорю, плохо будет. Выбрай...

— Правильно, надо выбирать, раз и навсегда. Или туда, или сюда. И если боишься...

— Да ибоюсь! Не первый такой разговор. Давно — грозился кастетом. Иногда — щечи почесывал... Ну, у них свои монстры... Мимо. Значит, прошло на этот раз. Иногда лумасыль винтуют или еще что... Ну, а потом — нет! Я же член комсомольского штаба. Скажут, ходи, как бандит, с ножом...

Адам передохнул.

— Не бойся я тих. Вася. Просто, может, они правы. Может, я для вас действительный чужой человек? Ведь меня каждая собака здесь знает как хулигана. А мне столько нужно сделать хорошего, сколько я людям плохого причинил, и даже больше...

— Ты что делаешь каждый день, Адам. И давай договоримся: не раскрайтай! С тебя теперь люди привернут беру. А о дружках своих забудь.

Ото забыть. Но они — нет.

Как-то на одном из вечеров к Адаму, стоявшему в дверях с красной пяззкой, подошли несколько мальчиков.

— Надо поговорить.

— В другой раз. Бонишь, погруди?

— Коли так, поговорим...

Они зашли в какую-то комнату.

— Ну! — Адам достал папиросу, закурил.

— Последний раз хотим тебя предупредить. Бросишь все — и мы забудем, как ты легавым был. Нет — пеньки на себя.

— Сразу говорю: нет! И убирайтесь отсюда, пока целы. Видите папиросу? Она говорит.

Так и молчал. Кончили беседу.

Эх, гад, мусор! Крохоч несчастный!

Адам совсем бледно увидел разъезженные глаза, красивые, потные лица... Так ходил по стойке прищек «нашествия масок». Да неизья-тере.

И вдруг его оглушило. Адам покачнулся, но удержался на ногах. Медленно обернулся, склоняя пудовые кудаки, и чуть не заревел от обиды. Сашка Морозов! Дружок злодайчичий! И такой предательский удар! Ну, так вот тебе, за дружбу!

Подоспевшим комсомольцам уже ничего было дать. Им осталось только помочь ему пестрствавшим ногти «парламентерам» сесть в штабную машину.

— Ты просто артист, Адам! — шутили ребята, прикладывая к его разбитой голове мокрыеносовые платки.

Они не знали, насколько были близки к истине.

В РОЛИ АДАМА ДЕГТЯРЕВА АДАМ ДЕГТЯРЕВ

— Товарищи, отойдите от каната, не мешайте съемку!

— Свет! Внимание! Начало!

...По темной, безлюдной улице идет парень. Навстречу торопливые девчонки шагают. Стоп! Зачем так спешить? Он хватает девушку за руку. Та вырывается...

— Отставай!

Гаснут лампы. Перестает жужжать киноаппарат. Все вокруг погружаются в темноту, слегка разбавленную зыбким светом уличных фонарей.

— Не то. Опять не то. Ты ни на минуту не забываешь о нас. Отвлекись. Вспомни, как все это было на самом деле...

И он уже больше не реагирует на свет, на аппарат, на любопытствующую толпу за канатом. Он вспоминает...

Ночная улица... Пустыя, одинокая, как он сам... В темноте глухо и спиртово звучат его шаги... Голова кружится от выпитой водки... А сердце все разное, что же... Жегит к кому-то...

И вдруг еще шаги. Легкие, быстрые, женские... А вдруг она? Нет, не может быть... Ну, конечно, другая. А впрочем, такая же... Бежит к кому-то, а потом высчитывает для другого...

— Не спиши, дорогуша! — Парень преграждает девушке дорогу, грубо хватает ее за плечи.— Не все ли тебе равно, с кем провести время?

Девушка кричит.

— Вот теперь хорошо! Дубль делается не будем... Убирайтесь сюда!

Видите, они увидели его в кабинете Кузнецова. От этого момента можно рассказать Василию, то сердито размахивая кулаками, то залумчено почесывая в затылке, а они не могли отвести от него взгляда.

Им встретилась как раз такой человек, о котором они мечтали. Внешность, манера поведения — все совпадало. Когда же узнали от Кузнецова подробности его жизни, поняли, насколько им повезло.

Так Адам познакомился с Глебом Панфиловым и Виталием Вышинским. Двух инженеров, двух комсомольских работников объединяло еще одно — кино.

Они только что закончили свой первый фильм — «Нейлоновая кофточка», за который получили на всесоюзном смотре любительских работ несколько дипломов и теперь принимались за другую картину, посвященную охране общественного порядка.

Все уже было готово для съемок. Не хватало лишь одного — героя. И вот он никонец найден.

Адам отнесся к предложению своих новых знакомых довольно холодно: кому охота вспоминать старое!

— И все-таки это необходимо, — убеждал его друзья. — Нужно показать всем, какими ты был раньше и какими стал. Твоя судьба уже не частное дело. Надо другим помочь, тем, кто еще не понял...

Адам согласился.

Вновь и вновь под пристальным оком кинообъектива переживала он свою неупеченную, не складную жизнь.

Около года снимался фильм. А год — срок не малый. Многое изменилось вокруг. Большие перемены произошли и в жизни Адама...

Кадры из фильма
«ВСТАВАЙ В НАШ СТРОЙ»

«КОМЕНДАНТ СЕВЕРНОГО ПОСЕЛКА»

— Отдохнула бы, сынок! Выходить еще не скоро...

Пелагея Петровна наложила в кружку холода-ного квасу собственного изготовления, подала Адаму:

— Свеженький...

Он лег на кровать, прикрыл веки. Но сна не было. Поэтому перед глазами все время стояла тусклое поблескивающее золотом корешки книги. До вчерашнего дня он никогда не видел сразу столько книг...

Как это произошло? Онне шел на улице, потому заглянули в один из дворов. И вдруг услышали крик, плач. Забежали в подъезд, поднялись на веранду — и замерли. Вся площадка была в беспорядке: завалена вещами: кровати, шкафы, стулья, сковородки, детские игрушки...

Громко плакала женщина в красном платочек и спиртных напитках, называемых известкой.

— Чего тут происходит?

Женщина встрепенулась:

— Дружинники! Наконец-то... Помоги,

Адам...

«Откуда она мэна знает? — мелькало в голове... — Ах, да, книга, наверное, видела или по телевизору смотрела передачу...»

— Пока были на работе, он выкинула все вещи в заперты. Ребятики на улице, пачкать нечего, мужу диплом в институте защищать надо... Она бережно держала в руках помятые листы ватмана... Мы уже четыре дня жили в этой комнате. Вот ордер...

Когда открыли дверь, у него было бледное, испуганное вздрогивающее лицо.

— Я преподаватель лесотехнического института, Кулгин Александр Александрович... Он судорожно поправил очки... Эти люди не имели права вселяться, ордер им выдали по ошибке, дело еще в суде...

— И вас большая семья?

— Ну-ет, я один. Мы с женой разошлись, теперь я холопом, чтобы вернулся вторую компанию. Понимаете, мне как научному работнику положено...

Адам вошел в просторную, светлую комнату. Все стены, сверху донизу, заставлены книгами... Ученый... А ничего не забыл выкинуть на лесину, даже игрушек...

— Давай, ребята, танц все назад, да поаккуратней!

— Но вы не имеете права!

— Слушайтесь, имею. Даже больше, это наша обязанность — следить, чтобы все было по справедливости...

...Адам открыл глаза, взглянул на свою жарку. Да, здесь книг не столько и переплеты

вопроще. Пушкин, Ниссемский, Фадеев, Беляев, Бруно Ясеницкий, Гоголь, Джером К. Джером, Джек Лондон... Насколько бы больше их было, если бы приятеля не «зачитывали»! Не раз говорил себе: не давать. И все шло по старому. Не мог отказать людям в книге. А тот, в очках, наверно, никому не дает...

Адам посмотрел на мат, бесцумную хлопоташую у стола, и что-то у него вдруг склонилось внутри. До чего же постарела она за последние годы! А все он. И никогда ведь не ругала. Лишь плакала тихонько...

Зато как была доволына, когда сын стал командиром дружин в своем Северном поселке, славившемся раньше хулаганами! Боялась за него, но гордилась, что все знают иуважают ее Адама, кто за последние месяцы в поселке не было ни одной драки. Каждый день аккуратно вытирая носущуюся пыль с мигоческими гравюрами в простых, строгих рамках, Адам и свою рассмотрительницу направляли санки на частные и парничные чистки.

— Привет, Адам! Ты готов? — Адвер распахнулась, и в комнату вошли трое: темноволосый, приветливо улыбающийся Коля Хотев, вырубщик с фабрики «Спортивбум», высокий, задумчивый Виктор Савин из технического училища № 1, «комиссар», как в шутку величал его Адам, и маленький румянный застенчивый Саша Швецов, слесарь «Горремстройреста».

— Готов! Ну-ха, мать, помоги...

Пелагея Петровна уже знает, что от ее нужды. Она торопливо берегла красную повязку с четкой надписью «Дружинник» и ловко подавала ее на руку сына.

— Осторожней! Слышишь, вы? — кричал она вслед ребятам.

Те, смехом, что-то отвечают. А что — не разобрать.

Неторопливо идут они по знакомым улицам, сиреневые, сиренеющими. Наставшие хозяева порыдали. А в середине — Адам Детлевен, «комендант» Северного поселка как топота, его называют. Идут на трудную работу — следить, чтобы все вокруг было «по справедливости». Понимаете, рабочий будущей профессии!

Несколько лет назад, после окончания полиграфического факультета, Адам устроился на химический завод. Не знаю, как для кого, а для меня зачисление в производственную бригаду было важным событием. Против моей фамилии в штатном расписании значится: «Рабочий четвертого разряда ведущий профессия». Понимаете, рабочий будущей профессии!

В цех я пришел задолго до начала смены. Хотелось не спеша насладиться скучной спечкой и занять место за штактом длинным столом в бытовке. Тут до начала смены рабочие «забивали козы». А я большой любитель играть в домино. Но надежда в том разе не сбылась. В кладовой цеха подобрали спечь доло. Попробуй наайд подходящую, если можешь, да иди домой!

И куда ты, парень, вымыхах! — зубоскальная девушка-хладофицица. — С собой и целоваться-то не пениш!

И вот, обличенный в короткое, не по росту брюки, я спешу в бытовку. У самого входа моя остановка паренек и, хитро прищурившись, спросил:

— Для чего это ты, друг, так далеко ноги в брюки просунулся?

Ну, я, конечно, не ответил: что тут скажешь? Вошел в бытовку, и рабочие, глядя на меня, заулыбались, посыпались едкие шутки. Я смущенно присел на краешек скамейки, подле стола, — тут, как выстремы, ухали костишки домика. Чушький паренек дружески посоветовал:

Ты на аванс-то под望去 сажись, все конструкций, а на глупые шутки по новому коротких штанов не обратай внимания. И, дружка-обиго оглаждай присущающихся, добыва-ва-ва: — Нерод, у нас хороший... Поступим, а?

Я запомнил его малиновый синтер, крепкие жиантие руки и внимательные, с добром умилочкой глаза. Они говорили мне: «Не робей! Не в коротких штанах дело. Ребята тут все свои и смеются над тобой не со зла».

— Тебя как зовут? — спросил он меня. — Сергей.

— Ну, а я Степан. В какую бригаду?

— В третью.

— Это я и есть.

Степан оказался бригадиром. В бригаде он был самым маленьким и, казалось, самым слабым. Однако мы с ним монтируем мор-тины. Степан поддерживал его ломом, а я под-тюка болты. Вдруг его кто-то позвал.

— Перехвати-ка лом да подержи, — попро-сила Степан. — Я сейчас вернусь.

Я перехватил и почувствовал: не удержу.

ЮРИЙ
СБИТНЕВ

Сибиряк

Я хочу рассказать о простом рабочем парне, о моем друге Степане. Его нет в живых, но я часто вижу его в сне и еще чаще вспоминаю наяву. Он как бы все время со мной. Всех хороших люди не умирают.

Несколько лет назад, после окончания полиграфического факультета, Адам устроился на химический завод. Не знаю, как для кого, а для меня зачисление в производственную бригаду было важным событием. Против моей фамилии в штатном расписании значится: «Рабочий четвертого разряда ведущий профессия». Понимаете, рабочий будущей профессии!

В цех я пришел задолго до начала смены. Хотелось не спеша насладиться скучной спечкой и занять место за штактом длинным столом в бытовке. Тут до начала смены рабочие «забивали козы». А я большой любитель играть в домино. Но надежда в том разе не сбылась. В кладовой цеха подобрали спечь доло. Попробуй наайд подходящую, если можешь, да иди домой!

И куда ты, парень, вымыхах! — зубоскальная девушка-хладофицица. — С собой и целоваться-то не пениш!

И вот, обличенный в короткое, не по росту брюки, я спешу в бытовку. У самого входа моя остановка паренек и, хитро прищурившись, спросил:

— Для чего это ты, друг, так далеко ноги в брюки просунулся?

Ну, я, конечно, не ответил: что тут скажешь? Вошел в бытовку, и рабочие, глядя на меня, заулыбались, посыпались едкие шутки. Я смущенно присел на краешек скамейки, подле стола, — тут, как выстремы, ухали костишки домика. Чушький паренек дружески посоветовал:

Ты на аванс-то под望去 сажись, все конструкций, а на глупые шутки по новому коротких штанов не обратай внимания. И, дружка-обиго оглаждай присущающихся, добыва-ва-ва: — Нерод, у нас хороший... Поступим, а?

Я запомнил его малиновый синтер, крепкие жиантие руки и внимательные, с добром умилочкой глаза. Они говорили мне: «Не робей! Не в коротких штанах дело. Ребята тут все свои и смеются над тобой не со зла».

— Тебя как зовут? — спросил он меня. — Сергей.

— Ну, а я Степан. В какую бригаду?

— В третью.

— Это я и есть.

Степан оказался бригадиром. В бригаде он был самым маленьким и, казалось, самым слабым. Однако мы с ним монтируем мор-тины. Степан поддерживал его ломом, а я под-тюка болты. Вдруг его кто-то позвал.

— Перехвати-ка лом да подержи, — попро-сила Степан. — Я сейчас вернусь.

Я перехватил и почувствовал: не удержу.

А он держал и виду не показывал, что тяжело. Вот тебе и малосильный!

Среди администрации частично логовища — о снятии Степана с бригадирства. Особенное усердство в этом старший мастер.

— Дисциплина не бледнеет! — кричал он на Степана. — Опять у тебя Жариковы прогуляли?

За этого Жарикова бригадир все пороти в заводоуправлении обид.

— Нет в Степане Кузьмине командирской жесткости, — жаловался мастер начальнику по производству. — Менять надо Кузьмина.

Исполнительный комитет завода включил он цепь Степана как корреспондента организатора производства. Но мастер начинял этот разговор снова и снова, и кто знает, чем бы дело кончалось. В бригаде сильны молодежь, побуждая любят, а мастеру это не нравится. Очень много неопытных доставляли мы бригадир. У нас иные ребята были, как говорят, «прорваси божек». Но вот пошли очередной бузмыто из нас сказка:

— Давайте, холощи, договоримся: Степана больше не подводить. Ведь он аж с лица сошел, все за нас хлопочет. Работать так работать, и ничего ваньку вали.

Все с этим согласились, друг друга стали одергивать, и бригада как-то незаметно осталась, премии и всякие иные поощрения стала получать. И до сих пор лучше. На митингах и собраниях рабочим нашей бригады — первое слово. Только бригадир наши помажкиает. Скажешь ему, бывало:

— Грянька завтра, Степан, речуту на митинге.

А он застесняется:

— Что вы, ребята, я же почти неграмотный! Да и говорить не умею.

А знал он куда больше любого из нас.

Стало приезжать на завод корреспонденты, иногда — иностранные делегации. И прежде всего в нашу бригаду. Степан и тут в сторону. А мастер наперевес. Любия он пыль в глаза пускать, на переднее платье красоваться. У него даже погоны были: «Л. Товарищ», не в духе играло, я на производстве первую скрипку веду. А про Степана опять стал по наставству трепаться:

— Ну, честное слово, не годится Кузьмин на бригадирском месте! Никакой командирской жесткости! И у самого авторитета нет и мой подыметь. Приходите корреспонденты, а он им о конденсаторах. Дескать, хватит ручного труда, пора к автоматизации перейти — ишь, умник выискался! А с иностранцами и того хуже: прячется от них. Заберется куда-нибудь, так что и не счищешь, или работу неосторожно придумает. Раза два пришло Жарикова вместо бригадира представлять. Тот парень хват, что я его и сделал бригадиром.

Забыл старший мастер, как предлагал гнать Жарикова.

А начет конденсаторов Степан не зря корреспондентам говорил. Жаль, что они не написали об этом, может быть, тогда и не случилось бы беды, и Степан бы жил был.

Была у нас такая операция — чистка конденсаторов. Работы очень трудная и опасная. В большую емкость через лаз в крышки залезли поочередно рабочие и вручную скрапелем да кудыкада отбивали всяку дрянь, что там оседала. Сейчас конденсаторов этих уже нет.

И вот как-то, в апреле дело было, заканчивала бригада — наша сменница — эту злостную чистку. Степан в тот день пришел в цех рано, что-то за час до своей смены. Перемыслил и уже партнером на домино подсыпал, как вдруг вбегает в бытовку один работник и кричит:

— Холощи, в конденсаторе люди задыхаются!

— Как так?! — Все вскочили истервенные. — Забрасы одни, а там невеста откуда углеводородный газ. Задохнулся и... За них другой полез, потом третий... Тяперь трое там и лежат!

— Выручать надо! — сказал Степан.

Кто-то из рабочих попробовал его отговорить:

— Брось, Степка, смена не твоя, да и что ты сделаешь?

— Эх, и гад же ты! — ответил Степан этому «доброжелателю» и кинулась в цех.

А там у конденсаторов стояли рабочие, суетился испуганный старший мастер.

— Газоспасателей, — кричал, — вызывайте! Газоспасателей! никто не смеет лезть туда!

Мы же для троих ускрут!

Степан, выскочив, старшего в сторону и обернулся к рабочим:

— Ребята, давайте веревку. Пока газоспасатели придут, мы вынесем, наши товарищи задохнутся до смерти. За меня чтобы ни одни!

Надея противогаза — и в конденсатор. Вытащили на веревке первого парня, за имя второго. На третьем заминика вышла — видно, потеряла уже свою свойства гонконгского патрон, и Степан из сна выныпал: привезла третьего неудачно, и тот в лазе застрял. Пока его вынимали приближившие газоспасатели дали пока из Степана добрались, он и скончался. Парни, которых спас Степан, и ныне на заводе работают, а он погиб. Лежал он перед всем спокойный, с открытыми глазами. И мне казалось, что в них все же добра ухмылка, что помогли мне когда-то.

Также я его и сейчас вижу, простого рабочего парня в малиновом синтере, доброго, скромного, самоотверженного друга. Нет, хорошие люди это умирают!

«Ной» А то и в самом бригадой в больницу наведываемся. Заболела раз Наташа, так Николай в областной город за аспициными сидя, чуть не споздно на работу.

Всю школу хорошо. И вдруг стали мы замечать: грустит наша Рабинушка, а Николай сделалась мрачнее тучи. И вот Надошка — она всегда все впереди других удавалась — вести тревожную привеску:

— Не спелись словами наши. За Наткой как-то вихрастый увидался. Долговязый и шаткий в дудочку.

Пришли мы к Николаю склоняясь на вечер запоздалом увидели. Не покриковали он нам: и одет не по погоде, и ухватки не нашишены — ломаха.

Маниакорый мальчик! — злоказал девчата. — Стияга!

Рабинушка наша все грустней и грустней. На смену ступала западина, раньше всех домой убегать. Мы тоже рукашки разводили: что же это за любовь, если от нее горят?

А потом Надошка сообщила:

— Семейная Наташка!

— Замуж вышла?

— Вышла, не выпала — живут. Потолквали мы между собой: жаль, что не за Николаем! Ну, да в любви не прикажешь. Решали разуться, когда свадьба, и всей бригадой нагрянули. А в подарок молодоженам шифоньер вскладчину купили.

— Какой там шифоньер! — возмутилась Наташка. — Натаха последние свои пластишки распродала. Маникорый-то работу броски, на музыканты решил учиться и на изживление теперь у Наташи. Вчера зашла я на базар, луку купила, а она... — Заметав Наташу (онять на работу опоздала), Надошка промокала. Чудеса! Могли подумать. Сохнет на наших глазах Рабинушка: покуда, осунувшись, голос ее совсем не сияшенно. Да и петь начал кулачки в ход пускать. Но нашлись возражатели:

— Мышь бранятся — только тепшатся!

— Муж и жена — одна сатана!

— Да какой он муж! — крикнула в сердцах Коля. — Повитатель он!

— Как это не муж? — Надошка даже ногой топнула. — Натаха ребенка ждет, а ты «повитатель»! Из ревности такие слова говоришь!

Николай ничего не ответил, только рукой машнул. Это была первая ссора в бригаде.

Вскоре Наташа перешла в другой цех — в портняжный. Там работал легче: из тонкой материи чехлы для фильмов шьют. И осталась нас в бригаде тринадцать. Работа вроде сладче все та же, а песен не слыхать. Николай несколько раз просил бригаду, чтобы тот уговорил Наташу вернуться в бригаду, уговорив нас домой к ней сходить.

— Дело-то не шуткое: пьет «музыканты», бузят. А у Натки скоро ребенок будет. Нельзя же так...

Мы соглашались с Николаем, что «дело не шуткое», а все не решались: удобно ли в чехлы шить, а то и вспомнишь и вот однажды снова обеща прибежать в цех к комитету комсомола Валя Петрова.

Срочное заседание! Утром милиция задержала на улице Наташу Цветкову с украденным на заводе материальным...

...В кабинет к следователю нас всех не пустили. Всюши мы вчетвером и как раз в момент, когда «маникорый» говорил с возмущением:

— Позовите, какая она моя жена? Что может быть у меня общего с этой воровкой? Я не в курсе! Я сдала экзамены в консерваторию! Могу документы показать!

— А кому черная пара потребовалась «для выхода в свет»? — хрипело спросил Николай. — Ведь это ты, бездельник, на воровство ее вынудила!

С следователем мы прощались очень тепло. Он все понял. Мы тоже многое поняли.

Тринадцать человек пока у нас в бригаде. И не число виновато, а мы. Но верим, что скоро будет нас снова четырнадцать.

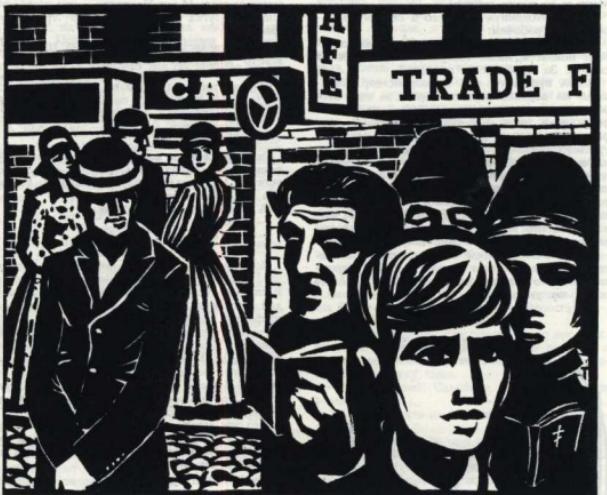
В бригаде у нас тринадцать человек — число нечастое. Скажите, еруди! Я тоже так думаю, а вот Надошка Таваркова утверждает, что нет. Попробуй разбери ее! Ее девчонка вроде серьезыва, каждую пятницу на кружок политэкономии ходит, в комитете комсомола за физкультурно-массовый сектор отвечает. А вот втеснившись ей в голову, что беда опрокинулась из-за этого член тринадцатый! и току!

А беда было тринадцатый — семья парней и семья девушек — молодежная бригада! И дружба между нами была — водой не разольешь. Соберемся, бывало, перед работой и зачем в четырнадцатый голосов спасибо. Хорошо. Так с песней и смены начинай. Петь любили, здорово получалось. Это замечательно, когда люди вместе и поют и работают. Цех у нас небольшой, а работа артельная: загружаем в реакторы массу или новую птичку готовим и поем. Заводились у нас были Коля Царев и Наташа Цветкова. У Николая голос высокий, звонкий, звонкий, в Наташи — низкий, нежный, с переливами. Как заведут видою, никто не удержится, что не подаст. Особенно любили «Уральскую рабинушку». Запели ее всетра Наташа. И там, где член тринадцатый мы ее Рабинушкой. А Коля Царев был просто без ума от Наташи, влюбился в нее по уши. Он и пол-то только для нее однок. Надошка Таваркова, было, весел, все «ко секрету» напинавшей:

— Помните мое слово, быть свадьбе в наше время!

Пели мы громко, а вот про любовь почему-то шепотом говорили. Может быть, так и надо?

Жили мы дружно. Случалось, забывает кто-нибудь — и заглядит бригада, как улей. Все друг от друга спрашивают: «Ну, как наш боль-

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

"АМЕРИКАНСКОЙ ТРАГЕДИИ"

Сегодня мы знакомим читателей с неизвестной ранее главой из «Американской трагедии» Теодора Драйзера, которая в США впервые в свет вышла в журнале «Эскавэр». Вышеупомянутый выпуск журнала, под заголовком «Сообщение о новинках из мира литературы», был подготовлен специальным отделом журнала «Эскавэр» и вышел в свет в мае 1925 года. В нем были опубликованы интересные заметки о новинках из мира литературы, в том числе о книге Теодора Драйзера «Американская трагедия». В этом выпуске журнала «Эскавэр» было опубликовано письмо Теодора Драйзера к редактору журнала, в котором он выражал свое мнение о книге «Американская трагедия» и просил его опубликовать в журнале «Эскавэр».

«Узнав некоторое время тому назад о том, что Пенсильванскому университету переданы рукописи Драйзера и что они включают не только переписку, но и неопубликованные работы писателя, редакция решила отправить своего представителя по Пенсильванскому университету в Филадельфию для того, чтобы познакомиться с неизвестной среди имеющейся в университете коллекции редких книг. Там были обнаружены: «чрезвычайно интересная переписка (в том числе много писем, которым обменялись Теодор Драйзер и Теодор Драйзер), различные драйзеровские памфлеты, а также девять глав, представляющие собой, по сути дела, вступление к тому, что происходит в книге: «Американская трагедия». Конечно же, я не могу сказать, что это письма и главы, которые он провел со своими родителями. Но глава VIII показалась редакции наиболее яркой и непосредственной, связанной с дальнейшим повествованием, а потому и решено было ее опубликовать».

«Не мешает добавить, что редакция перечитала «Американскую трагедию» и обнаружила, что, хотя это произведение было впервые напечатано в 1925 году, содержание работы писателя и то, что он пишет в книге, неизменно соответствует тому, что он пишет в письме к редактору журнала «Эскавэр». Итак, я считаю, что это письмо является основным конфликтом в жизни современного писателя».

Теодор Драйзер в 1925 году считал, что Общество (Общество с большой буквой) опутывает человека сетью законодательных уловок и социальных преследований и поэтому Общество — это отрицание индивидуальности, это враждебное общество, спустя годы суды наши завалены делами о несовершеннолетних преступниках, об изувеченных, совершенных психопатами, о предательстве и изменениях, перед нашими философами и писателями, ударами общественной бедности, неуверенностью в землянке где жажды создают общество».

И последнее об «исторической достоверности». В основе «Американской трагедии» лежит знаменитое дело об убийстве, в котором был обвинен Честер Диллелл в сексуальном изнасиловании подростка. Но это не роман, а реальная история, и в этом смысле маны, и американская трагедия, обрисованная в книге, рождена воображением Драйзера — она является плодом умения писателя взять факт и на его основе создать художественное произведение. Таким образом, вниманию читателя предлагается не только документ, принадлежащий истории литературы, каким является рукопись Драйзера, но и кусочек американской истории.

Было одно обстоятельство, которое возмущало Клайду превыше всего уже в восемьдесят лет, и этим ужасным обстоятельством было необходимость ходить по улицам со своими родителями и двумя сестрами, слушать родительские проповеди под открытым небом, учить слово в молчании и петь псалмы. Никого это особенно не интересовало: людские толпы тели мимо — одни в одну сторону, другие — в другую, не задерживаясь ни взглядом, ни мыслью на матери и отце. Звенели пронесшиеся трамваи, порой перекрывая своим грохотом их голоса. Гудели автомобили. Время от времени какой-нибудь юноша или девушка, молодой человек или молодая женщина, мужчина или женщина среднего или пожилого возраста — в одиноком или пары, а то и группами — оставались одиноко, или обрашивались, привлекая звонкие голоса, или, вспоминая матери, или звуки органика, или звуком его отца, стоявшего без шапки, подняв руку, — но, как правило, они бросали лишь взгляд и спешали дальше. Случалось — во всяком случае так утверждала его мать, — кто-нибудь из тех, что раз или два появлялся в толпе или останавливались и некоторое время стоял в отдалении, подходил поближе, а потом — иной раз в тот же вечер — появлялся в миссии, говоря, что их заинтересовало услышанное на улице. Обычно, как это впоследствии понял Клайд, приходили люди, привлеченные голосом или обликом его матери, — приходили девушки и юноши, похищенные в беду, или люди среднего возраста — пытавшиеся наработать, всякие неудачники без грима в кармане. Они приходили за советом или чтобы получить началь, а то и просто кусок хлеба.

И все же эта ущербная бедность, вытекающая из этой бедности никоих, молитвы и пение псалмов на улице, где это почти никто не интересует. Другим мальчикам и девочкам — как он вскоре понял — не приходило этого заниматься.

Сначала он был, как и многие из юношей, которые претестовали — разве мог он пойти против отца и матери, когда они были так упрямы и убеждены в своей вере — но годы через два, когда сир перебралась в Канзас-Сити, и стали во главе более обширной миссии, ему представилась такая возможность. И вот таким образом,

ЗАРОЖДЕНИЕ У КЛАЙДА ЧУВСТВА СОСТЬЕННОЙ НЕПОЛНОЧЕННОСТИ

Граффити взяли себе за правило, каковы бы были их передвижения по социальной лестнице и по стране, а также каковы бы ни были их финансовые затруднения, — делать все, что было им дано учиться в школе. В этом вопросе миссис Гриффитс была непреклонна и, нимало не считаясь с чувствами юных детей, обязательно Клайду, остро переживающему подобную ситуацию, выделить энергию Адриан, чтобы они прибывали в какой-нибудь новый город — на то, чтобы устроить их в школу, в соответствующий их возрасту класс. Клавд, тут была одна трудность: они дважды переезжали — из Чикаго в Омаху и из Омахи в Канзас-Сити — и оба раза в течение учебного года, что не могло не отразиться на занятиях, поскольку в разных городах одни и те же предметы в одних и тех же классах изучают в разное время. К тому же ломка привычного хода жизни, установленного в том городе, который они покидали, и переселение в новый город, где приходилось по-иному настраивать свои мысли и свои чувства, применительно к новым условиям, сильно отражались на психике и здоровье детей и задерживали их развитие, — особенно Клайду, остро переживающему подобные перемены, равно как и образ жизни своих родителей, и в конечном счете — свою семью.

Клавд был единственным классом младше по сравнению с тем, где он должен был бы находиться, если бы они оставались на месте. Это, в свою очередь, вызывало у него, и так не слишком увлекавшегося учением, отвращение к школе; чувство отчужденности усиливала и без того немалую горечь, отнимавшую теперь его.

Больше того, столкновение с новыми людьми и новыми условиями приводило к тому, что,

по природе застенчивый и замкнутый, мальчик еще больше уходил в себя, мешаясь все свои силы на то, чтобы как-то перестроиться и приспособиться, особенно из тщепа, как он и приспособился к социальному, экономическому и социальному положению семьи.

Теперь он был уже совершенно уверен, что стоит какому-нибудь мальчику или девочке случайно узнать о его принадлежности к миссии и участию в уличных боевозглашениях, как не него устремляются любопытствующие взгляды, тем более, что немало деревских мальчишек вовсю дондевались за это время над ним. Да и потом в Канзас-Сити — городе, напоминающемуся ему почему-то куда больше тех, какие он до сих пор видел или мог помнить! — Клайд впервые начал ощущать пробуждение эмоционального и чувственного интереса к девочкам. Не споряще еще болезненной узнаваемостью, он же был крайне чувствителен и теперь совсем по-новому смотрел на город, на мальчиков и девочек, на мужчин и женщин. Услышав жизни других людей — в особенности мальчиков и девочек из их одессы, манеры, вкусы, привычки, забывали все больше и больше запечатлеть его. Он стал замечать, что сам он очень плохо одет: ничего у него нет, кроме обносков, переделанных из старых пиджаков, блок и рубашек, которые давали матери люди, обладающие большим достатком, нежели они. Начало интересовать его и то, как он выглядит: уродлив он или нет; красивее ли его другие мальчики, сильнее ли лучше одеты, щеголеватее или нет? Во многих отношениях он был ничуть не хуже большинства своих сверстников, однако из-за своей бедности и одежды не считал этого.

Острее всего он ощущал потребность в лучшем платье. Ведь теперь возникла проблема взаимоотношений с противоположным полом, когда хорошие девочки — особенно из той школы, куда он ходил, — стали все больше и больше овладевать его вниманием. Ему казалось, — такая уж чувствительная была у него натуря, — что их интересуют мальчики, лучше одетые и более удачливые в жизни, чем он. Это было, конечно, чистейшая выдумка. Большинство девочек были еще слишком юны, чтобы оставаться на ком-то своем выборе, да еще присматриваться, тщательно обдумывать и все это вести из них, видимо, не интересовало Клайда из-за его чрезмерной рабости. А он все присыпалась бедности и еще больше замыкался в себе, тогда как другие мальчики резинами и играми с девочками и очень весело проводили время.

Точно так же, казалось Клайду, становились его и мальчики и по той же причине: что он недостаточно хорошо одет и его родители недостаточно состоятельные, — только тут он был ближе к истине, так как многие из его сокурсников уже в этом возрасте отличались немалым горючем и тщеславием и проводили резкую грань между теми, кто обладает большими, чем они, благами, и теми, кто обладает меньшими, а это определялось по одежде, манерам, месту жительства и тому подобному. Клайд чувствовал это. Он познакомился с несколькими мальчишками, но держался робко и отчужденно: ведь сидится он с ними ближе, они скоро узнают всю правду о нем и его родителях и станут изводить его, бередя и так уже наболевшую рану. К несчастью, такие вещи невозможно скрыть, и прошло совсем немного времени после его поступления в ближайшую к дому и к миссии школу, как появились трудности.

Двое мальчиков — Арчи Уэллес и Берт Стронг, оба из одного класса с Клайдом и приятельством имели, однако, не то что интересовалось к нему симпатией, чуть ли не вспыльчично стали вовлекать его в разные игры — в камушки, в чекеры, в бейсбол, — в которые они играли на школьном дворе и по лесе уроков, а также во время занятия и на переменах. Случалось, они провожали Клайда домой или, вернее, шаг с ним какое-то время в направлении дома, но он неизменно избавлялся от них, утверждая, что живет совсем в другом месте или что намерен пойти сначала в центр. Но эти хитрости не со всеми годились. В классе Клайда был один мальчик, сын пропускающего торговца обувью, державшего магазин в деловом квартале, неподалеку от

миссии. Этот мальчик сидел сразу за Клайдом, частенько угощая его конфетами или же ватной ленизиной, перешептываясь с ним, а после уроков нагоняя его по дороге домой, — правила, к великолюбию окрещению Клайда, он сворачивал в сторону еще за несколько кварталов до тех мест, где Клайду было бы неприятно и с ним позываться. Когда этот мальчик, которого звали Уокер Перри, спросил как-то Клайда, где он живет, тот солгал, сказав, что живет на Грин-стрит — улице более респектабельной и проходившей чуть севернее той, где находилась миссия. В то же время Клайд очень влекло к этому мальчику — открытым, добрым, интересным, ему хотелось поближе сдружиться с ним, рассказать о своей жизни, довериться, но мысль, что придется поведать о занятиях родителей, удерживала его. Однако новый приятель Клайда оказался довольно сообразительным и понял, что лучше умолчать о том, что им творят. Сам он жил в красивом доме с балконом, приватном, на приятной улице. — Позвольте мне так сказать, — сказал он прощающимся с приятелем на вполне бесполезном расстоянии от миссии. — У меня во дворе есть турник, и мы могли бы заниматься гимнастикой.

Упомянутый он и про велосипед, на котором иногда приезжал в школу, а сейчас великолушно предложил кататься по очереди. Клайд мечтал о собственном турнике и велосипеде. Но такое сближение страшило его. Ведь Уокер может обнаружить — наверняка обнаружит, — что родители Клайда занимаются проповедями на улице. Получилось все, однако, иначе: Уокер, которому больше интересовал сам Клайд, нежели что-либо другое, как-то вечером, отправившись на велосипеде в магазин своего отца, решил проехать по Грин-стрит и найти дом, номер которого дала ему Клайд. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что дом под таким номером вообще нет — на этом месте были пустыни.

— Послушай, Клайд, по-моему, ты говоришь, что живешь на Грин-стрит, дом пятьдесят три... на следующее утро заметил он, как-то странно, на велосипеде.

Клайд, неожиданно этого, хоть он и пропагандист, что этим может все кончиться, внимательно покраснел. Обычно он был очень бледен, что еще подчеркивалось густой копной черных волос, синевших на лоб и затенявших и без того темные глаза, а потому когда он краснел, это было очень заметно.

— Разве я сказала пятьдесят три... — с запинкой перешептываясь произнес он. — Я имела в виду шестьдесят три... но мы все равно там больше не живем. Мы переехали. Ни Адрейтон-стрит... — Даже и сейчас он сделала попытку скрыть номер дома.

— А какой номер дома? — не отступила Перри, любивший во всем порядок и точность.

— Семьдесят два, — сказал Клайд, и, побудженным чувством ложного стыда, добавил: — Мы живем над магазином... Ему не хотелось признаваться, что его родители руководят миссией.

Чудной ты, — заметила Уокер, от которого не укрылось, как испугнула Клайд. Уокер просто не понимал, что может побудить человека скрывать, где он живет. Сам он жил в красивом доме, и ему никогда не приходилоось испытывать терзаний, мучивших Клайда. — Ты же, во-первых, чтобы я знала, где ты живешь?

— Ну что ты... — всхлипывая, непримужденно возразил Клайд, хотя сарче у него ехнуло. Его родители были так неподхожи на родителей этого мальчика, который и жил в более уютном доме и лучше одевался. И вот теперь этот мальчишник придёт к нему, увидит, как они живут, все о них узнает. Он почувствовал тошноту; и зачем только он завязал эту дружбу, — вот она уже и подошла к концу, да к какому печальному!

И конечно, как и следовало ожидать, хотя он теперь избегал Перри, тот все же прикатился на своем велосипеде — просто посмотреть, где живет Клайд, и обнаружил вместо магазина миссию, где на выкрашенных светло-серой краской стеклах окон было выведено большими буквами: «Бог есть любовь» — и ниже: «Сколько времени ты не писал матери?» — любимые изречения

Эйсис. Поскольку дом был односторонний, Уокер усомнился, живет ли здесь вообще Клайд. Он легонько постучал в дверь, и к нему вышла Джуди — он сразу признал в ней сестру Клайда, которую до этого видел мимоходом. Дом был такой жалкий — низкий жалое строение на убогой улочке, — что Перри стало ясно, почему Клайд скрыл свой адрес. Но с присущей порою детям, видимо, бесконательной жестокостью от решительно непременно здесь же представил перед Клайдом.

— Я знаю вашего брата, — весело заметил он Джуди. — Мы вместе учимся в школе. Он скоро вернется?

Джуди покачала головой.

Рисунки Н. Попова.

— Я не знаю, когда он вернется. Он только что ушел в город.

Заглянув из любопытства в приоткрытую дверь, Перри обнаружила за иностранным видом.

— Скажите ему, что заходи! его приятель Уокер Перри.

Он загадочно, как показалось Джилии, усмехнулся, вскочил на велосипед и умчался прочь. Когда Кэйлд, вернувшись, узел оба пакета — письма, он был бледен и расстроен; сколько бы он ни думал, тут уже ничего нельзя было изменить, и это же оставалось одно утешение. Перри не знала, вероятно, что родители Кэйлда выступают с проповедями на улицах. А ведь именно это и вызывало наибольший трепет у Кэйлда. Это было тем, что приникало его в глазах такого мальчика, как Перри — во всяком случае, так считал Кэйлд.

Но и это утешение длилось недолго: на другой день во время перемены Перри заметила, что Кэйлд избегает ее, вышел вслед за ним во двор и там как бы ненароком пододел к приятелю. В эту минуту Кэйлда заметили два других школьника, ранее не обращавших на него внимания, а сейчас называвших в нем мальчика, которого они видели накануне с уличными проповедниками. И только было Перри открыта рот, чтобы окликнуть Кэйлда, эти двое подошли к нему: тем, что постарше, широко расставив ноги и, заложив руки в карманы, спросили:

— Ты что, Гриффитс, вместе с твоими сестрами, отцом и матерью проповедуешь вечером на улицах и пеши пасхали?

Услышав этот вопрос, произнесенный отчетливо, громко и ехидно, с явным намерением унизить его перед Перри, Кэйлд залысила красивой: он с места дрожал, глядя в упор на своих мучителей темно-кариими глазами, которых застыло от презрения и в то же время злости.

— Ничего подобного,— забыто, с глубоко несчастным видом огрызнулся он.

— Ну зачем ты врешь, Гриффитс? — запальчиво спросил второй мальчик, выстукивая из-за спины первого и вытирая пот со лба. — Ты просто из какой-то безжизненной исподтичьей неприязни — называется затеяла драку! — Я был вместе со Стефаном, и мы оба видели тебя вчера вечером в городе, наподалеку от здания Кассса. И тебя, и такого отца, и твою мать, и твоих сестер. Отец твой выпустил с проповедью, так же как и мать. А ты наелась сестрами. И твоя старшая сестра играла на органдике. Мы видели тебе, узидал и шли за вами до самой вашей церкви на Абрайтон-стрит. Так еще написано на окнах: «Сколько времени ты не писал матери?» — И он хихикнула.

НАЧАЛО ТРАВЛИ РОБКОГО МАЛЬЧИКА

Перри, занятая пересказом этого удивительным отрывком, с любопытством и не без удовольствия наблюдала за происходящим и хотела и сочувствовать Кэйлду, но не могла уснуть его за гулко отшатываться. Это говорило о трусости и было неразумно. Тем временем вдохновитель травмы Кэйлда стала и вызывающе ухмыльлась, а его приятель цинично ждал, что будет делать Кэйлд, как он ответит на обличение. Их желание поневоле над товарищем было столь явным, что Кэйлд, задетый за живое, весь красный, с трясущимися руками, покривился к последнему своему обидчику и выкрикнул — больные из стыда перед Уокером:

— Это ложь!

— Ну, назови меня лжецом, назови! — угрожающе припнувшись к нему второй мальчик. И ударила Кэйлда настолько на лицо тыльной стороной ладони (на одном из пальцев у него было кольцо) Их было всего пять человек. Манипуляция, без всякого определенного намерения Кэйлд поднял руки и склонил голову, а драка, как яснее сознавать, какой надежной защитой служит человеку высокое общественное положение. Вот другие мальчики — они живут иначе. Им не приходится делать то, что вынуждены делать он и его сестры, — других мальчиков никто к этому не принуждает. Ох, имела бы хорошую одежду, красивый дом, не заниматься миссионерской деятельностью, иметь деньги, возможности для развлечений, ходить в театры и тому подобное, не таиться от всех! Если бы он мог жить отныне, как другие мальчики, стать похожим на них — спокойным, независимым, всеми почтением, наслаждаться комфортом, уже однажды обладанием которым избавлено было от подобных унижений! Ох!

тогда главный обидчик, затягивший скорую, дернулся приятеля за руки.

— Да перестань ты, Гарри. Чего ты пристал к нему? — кичливо заметил он. — Видишь, он вовсе не хочет драться! Оставь его в покое.

Тут вступил в сцену Кэйлд, который, как оказалось, не хотел драться! Он же ничего не знал о том, что видел Перри в пакете — видел, что она не хочет драться! Он же ничего не знал о том, что видел Перри в пакете — видел, что она не хочет драться! Он же ничего не знал о том, что видел Перри в пакете — видел, что она не хочет драться!

Тот забыто уставился на него.

— Он обозвала меня лжецом!

— Ну и что же? А ты издавалась над ним. И ведь он тебе ничего плохого не сделала.

Мальчишка смирился взглядом нового противника и понял, что тут едва ли можно ругаться за победу. К тому же теперь уже весь двор привел в движение, школьники со всех сторон сбегались к месту скора, расспросы множились, как искры разгорающегося пожара, и можно было с чистым сердцем отступить.

— Да перестань же! — потребовал тот, что был повыше ростом, и, ухватив своего маленького друга за руку, потянул его прочь. — Ты что, не видишь, сколько собралось народу! Нас все-таки не погонят из школы. Пойдем отсюда. И оба удались, окруженные любопытными. Кэйлд, Питер и Гарри, сидевшие на скамье, всхлипывали, однако достаточно легко скрылись свою поражение, поспешили скрыться в школьной уборной, где их наконец оставил одиноко, и он смел умыться. А тем временем Перри и двое зайдут, преследуя любопытных, вынужденные были рассказать во всех подробностях, что же произошло, и прежде всего, конечно, о том, что родители Кэйлда — да и он сам и его сестры — уличные проповедники, распевающие псалмы. Они рукоюват какой-то там миссии. Кэйлд почему-то отрица это, — и возникла скора. Его поколотили, или в общем-то он в чём не виноват — таково было, во всяком случае, мнение Перри.

Кэйлд же теперь окончательно убедился, как приняжает его эта деятельность уличных проповедников, хотя он и занимается ею не по своей воле. Но это было не настолько — Кэйлд не знал, что из этого получилось. Он выкашал себя трусом и другим, и его поколотили, а все почему? Тендер он будет всеобщим посыпанием в школе — над ним станут подтрунивать, шутить, возможно, даже издавать. Главное, однако, не признаивается матери, что его побили в драке; лучше сказать, что на него наехали после уроков, и даже не школьники; а то мать еще может явиться за объяснениями — с ней вполне может статься. И потом можно воспользоваться этим предлогом и не ходить больше вместе со всеми... — а Кэйлд твердо решил покончить с миссионерской деятельностью. Но самым серьезным последствием этой истории было глубокая рана, наложенная ею психике, — рана, этой суждена была гноиться и疼еть за собой и будущим самым неожиданным последствиям. Кэйлд был теперь убежден, что занятия его родителями не ограничиваются не только с материальной стороны, но и духовной. Отсюда же и сущность еще более беспредметной и холостой, чем когда-либо. Из-за них он присоединился к отрывкам к школе, к ученикам, к ботаникам, мальчикам. Но бывали же также выверты в психике... — Кэйлд присоединился к тендеру еще большего почтения к благству и комфорту, или, по крайней мере, стала яснее сознавать, какой надежной защитой служит человеку высокое общественное положение. Вот другие мальчики — они живут иначе. Им не приходится делать то, что вынуждены делать он и его сестры, — других мальчиков никто к этому не принуждает. Ох, имела бы хорошую одежду, красивый дом, не заниматься миссионерской деятельностью, иметь деньги, возможности для развлечений, ходить в театры и тому подобное, не таиться от всех! Если бы он мог жить отныне, как другие мальчики, стать похожим на них — спокойным, независимым, всеми почтением, наслаждаться комфортом, уже однажды обладанием которым избавлено было от подобных унижений! Ох!

Перевела с английского
Т. КУДРЯВЦЕВА.

В один прекрасный летний день в Брайтонском областном отделении Общества по распространению политических и научных знаний появился незнакомец. Это был видный мужчина в безупречно отушенном kostюме и с галстуком «бабочкой». Выщипанными и щадительно подведенными бровями он напоминал староверную модницу, а солидной курткой трубы — мастера литератора. На левой стороне груди его поблескивал позолоченный знак, склонный с медалью лауреата. Гордо подняв весьма упитанное лицо, незнакомец представил перед референтом областного отделения общества Д. Н. Красновым:

Разрешите представиться, — произнес приветливо незнакомец, протягивая руку, — Георгий Васильевич Шестаков. Гипногипсикоэкспериментатор, кандидат медицинских наук. Заведую Всесоюзным медицинским гипнотарием. Приехал к вам из Москвы для чтения лекций о сне, сновидениях, гипнозе и внушении...

У специалиста по внушению был столь впечатляющий вид, что в просвещенном уме референта не промелькнуло ни малейшей тени сомнения относительности полномочий высокого гостя из столицы.

— Пожалуйста, очень рады!.. Прощу сядьте... Чем можем вам помочь? Мы, конечно, окажем вам всевозможное содействие!

И вскоре радушный хозяин торжественно вручил гостю знаменитости инженеродулярной машины.

«Ответственный секретарь районных отделений Общества по распространению политических и научных знаний (следует длиний перечень районов).»

Брайтонское областное отделение Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР направляет в вышеуказанные районы гипногипсикоэкспериментатора Д. Шестакова Георгия Васильевича для проведения публичных и закрытых научно-практических лекций: «Сон, сновидения, гипноз и внушение». Областное отделение просит широко популяризировать данную тему, организовать выступление тов. Шестакова Г. В. в Домах культуры, на крупных предприятиях и т. д.

Помимо гипногипсикоэкспериментатору не ограничилась одним мандатом. Если сказал «за», говорил «без». Если открыл перед лектором дверь «Домов культуры на крупных предприятиях», так убрись и «широко популяризировать данную тему». Всюду появлялись боскеские афиши:

ВСЕХ ВЫСШИХ НАУК И МАТЕРИЙ!"

Свои научно-показательные лекции Г. В. Шестаков начинал обычно кратким и пытливым словом о таинственных явлениях человеческой психики:

Под гипнозом можно совершенно безболезненно проводить самые сложные операции. Лицо я как-то раз удалил желудок и часть мозга, вырезал одну почку и отнял одну ногу. Кроме того, я угадывал мысли по пульсу. Это могут делать только два человека во всем мире — я и Вольф Мессинг. А теперь я в своем гипнотарию работал над проблемой продления человеческой жизни до 450 лет...

Закончив научный доклад, психоэкспериментатор переходил непосредственно к психоэкспериментам.

Сейчас я буду угадывать ваши мысли, отвечать на ваши вопросы. Напишите на отдельных листочках ваши мысли и запачкайте их в эти конверты...

В зале появлялась постоянная ассистентка гипнолога Ирина Румянцева. Она раздавала слушателям игристо оформленные конверты.

руку. Жест этот кажется искривленным, некультуральным. Здесь не хватает динамики, неясности, неопределенности.

Зато от статуи насыщены экспрессивной скульптуры из дерева.

Их немало. Привлекают юмором и лаконизмом шаржи на поэтах М. Светлова, С. Сорина и других. Интересны и мифологические фигуры.

Согордась — и разевая пасть, вылезшая из дупла «змея-зменичника». В первом, стремительном порыве склонил руки лесного уродца. Танцующий и пляшущий, он олицетворяет тайные силы природы. Он похож на ночную кошмар... Чтобы создать этот образ, можно использовать скульптора, но, пожалуй, профessionальными быть необходимо.

Сколько же деревянных Сифонов! Он кружится по тайге и пронзительным вскриками в пасмурных, каменистых, ущельях...

Красавец, дух захватывает... Покалуй, всю эту красоту наилучшим достоинством может отнести лишь художник. Или поэт, что, в сущности, одно и то же...

— Но честно скажу и слыши юноша в спортивной куртке... — По-моему, поэзии сюжета средине музыка...

— Самое удивительное — главное — Человек в длинном пиджаке разогнал рукой гадюку, обличающую его покорность и формальность, маленький признак, когда-то зародившийся в языке прессингистов... Главное в поэзии — эротичность, образная высь! Правда, художник изображает — оперирует линиями и цветом...

Недаром почти все поэты увлекаются изобразительным искусством, — отозвался кто-то, — Степанов, Шевченко или Маяковский...

— Можно неходить так далеко, — улыбнулся мой сосед, — примеры найдутся среди начинающих молодежи. Взять хотя бы Виктора Гончарова. Я с удовольствием читал его сочинения и ходил...

Что? Угадай, — устало узнул, что Гончаров занимается графикой, рисует по дереву. Видите ли, я тоже рисую...

— Откуда же вы знаете? — Но, том-том, и дело, что он не слушал.

О выставке Гончарова говорил сегодня весь город. В четырех залах книгах отозвы значатся имена известных писателей, заслуженных артистов, даже резчиков по кости и дереву...

В самом деле, прав был мой сибиряк: попугай, утка, ворона, козел, кабан, волк видов искусства — наиболее тождественные изобразительности — не поддаются различию. Свидетельство этому — творчество Гончарова. Тут переплелись достоверность образа и фантазия, искренность, искренность и взлёт.

Интересна по замыслу фигура «Лисицы» из Медузы из чистого обгорчего, исковеркенного металла. Правда, в решении образа неизвестен единственный недостаток. Она стоит, широко и свободно на стинкуне единственную

так оживает бездушное дерево.

Дерево должно быть благородно, художнику! — говорит Гончаров. Рядом с ним — причудливое, вместе-тое искривленное дерево. Иэнджелинская брама, склонившаяся к полированию сиденья! — Знаете, сколько я вынул отсюда всяческого мусора! Кубометра три не менее!

История красла любопытна. Погулявшись по весеннему берегу Москвы-реки, Гончаров увидел огромный пень, покрытый темной, как смородина, корой. Шуршали по всему вокруг чудовищного сплетения. Что-то таилось в бесформенном пне, — и он, художник, с любопытством. Чутьем художника Винсента Углада это сразу.

Пень оказался настолько тяжелым, что поднять его удалось лишь при помощи крана.

Во дворе дома, где живет поэт, появление пня вызвало переполох. Борчал управделами, изложил недовольство, дверники...

Но вот, после того, как пень был очищен и разделен на две части в одной из них появился один старинного уродца.

Другая часть превратилась в бесформенную глыбу окаменела на глазах... Это было — вещественное убийство, и не только люди это поняли. И сени...

— Я считаю, что изобразительное искусство — это нечто, что несет в себе эмоции, чувство, — говорит Гончаров.

Следует отметить, что искусство мгновенного действия, Зрительный образ потрясающ...

Он запоминается на дол-

гие годы. Это очень ответственно...

— Да, а сочетание двух видов искусства... — понтересовался я, — не мешает ли оно вам, не случается так, что одна форма мешает другой?

Мне часто задают этот вопрос... — задумчиво произнес Гончаров. — На

— Помните, я давно, Издал несколько сборников стихов. Но с тех пор, как я увлекся деревянной скульптурой, я по-иному взглянул на свою поэзию. Одно искусство помогает другому, подает ему пищу для поэзии на гору...

И теперь я стал строить открытия и свои стихи... И, конечно, я начал давать новые формы...

Михаил ДЕМИН

ДЕРЕВО БЛАГОДАРНО ХУДОЖНИКУ

Цена
номера
2 руб.

СО СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА

"СМЕНЫ"

НАЧИНАЕТСЯ ПУБЛИКАЦИЯ ПОВЕСТИ

ЮЛИАНА СЕМЕНОВА

49 ЧАСОВ 25 МИНУТ